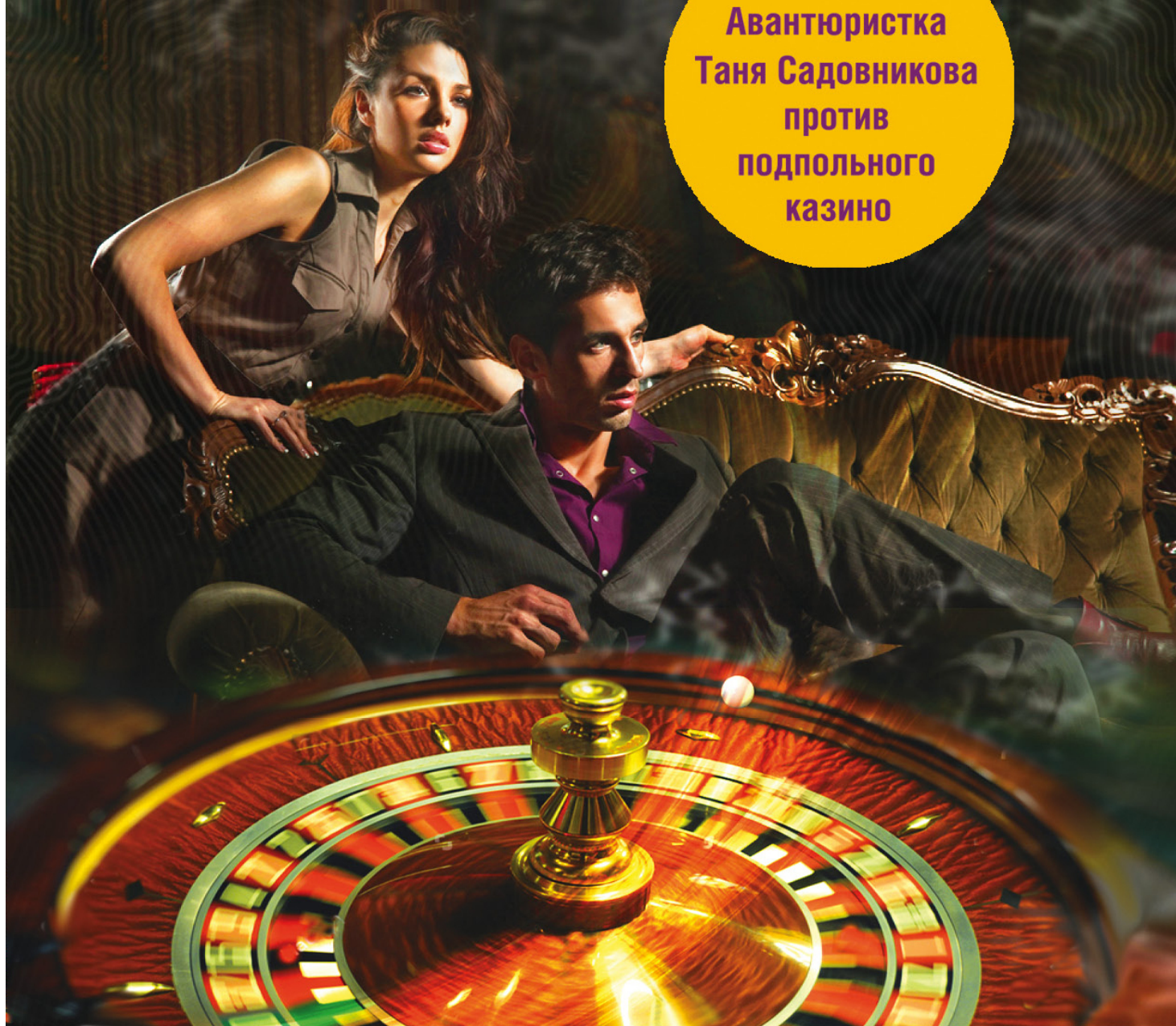

ВТОРОЙ РАЗ НЕ ВОСКРЕСНЕШЬ

р о м а н

●
Авантюристка
Таня Садовникова
против
подпольного
казино

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы
Второй раз не воскреснешь

«ЭКСМО»

2000

Литвиновы А.

Второй раз не воскреснешь / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2000 — (Авантюристка)

В тихом уединенном доме без окон шла тайная ночная жизнь. Подъезжали крутые машины, выходили солидные гости, поднимались в зал, где за столами шла крупная карточная игра. Высокопоставленные чиновники охотно расплачивались за проигрыш ценными услугами. Игорь Старых, «раздевавший» горе-картежников, которых заманивала его напарница Таня Садовникова, сам оказался прикованным к бандитскому казино полумиллионным долгом. Он был почти уверен: живым ему отсюда не выйти. А раз так, он обязательно узнает – кто же тот таинственный Хозяин, которому они служат!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Второй раз не воскреснешь

Все персонажи, включая официальных лиц, являются плодом фантазии авторов. Официальные лица за поведение персонажей никакой ответственности не несут.

Выражаем глубокую признательность банкиру и, по совместительству, нашему близкому родственнику Владимиру Бессонову за неоценимую помощь в работе над романом.

Авторы

Пролог

27 августа.

Где-то в Подмосковье

Хозяин задумчиво повертел в руках фотографию.

Фото было сделано скрытой камерой. Молодой человек в джинсовом костюме, не подозревая, что его снимают, шел в уличной толпе. По чистоте одежд и свежести тротуаров можно было заключить, что фото сделано за границей. Судя по маркам машин (больших, основательных) и небоскрегам на заднем плане, за граница была Америкой.

Светило солнце, вокруг шествовали расслабленные прохожие, и человек на фотографии тоже был по-западному расслаблен. Волосы его трепал ветер. Узкое породистое лицо выглядело безмятежным.

Хозяин всмотрелся в фотографию.

Это лицо ему никогда не забыть.

Он отложил фото и взял со стола листок, на котором крупным компьютерным шрифтом было напечатано небольшое жизнеописание.

Игорь Сергеевич Старых.

Родился 15 июня 1968 г. в г. Москве.

Отец – Сергей Сергеевич Старых, академик, лауреат Ленинской и трижды лауреат Государственной премии.

Мать – доктор химических наук. Скончалась в 1988 г.

Образование – незаконченное высшее.

И.С. Старых с 1986 г. является профессиональным игроком. Кличка – «Игрек». Не мошенник, не «катала», не шулер. Исключительно порядочен и удачлив. Основная специализация Игрека – преферанс. С 1987 г. постоянно участвовал в играх, которые организовывал небезызвестный Вам Аркадий Иванов. Преследовался милицией. К уголовной ответственности не привлекался.

Начиная с 1990 г. И. С. Старых стал осваивать покер. С 1990 по 1998 год играл в лучших (чаще закрытых) клубах Москвы. Иногда (очень редко) посещал общедоступные казино. Его ежемесячный доход оценивался в этот

период в 15—20 тысяч долларов. По многочисленным отзывам, Старых-Игрек является одним из лучших профессиональных игроков России.

Всентябре 1998 г. Старых при загадочных обстоятельствах весьма спешно покинул пределы РФ. В настоящее время проживает в США – в городе Сиэтл. Там же живут его отец (ведет курс ядерной физики в Университете Вашингтона) и вторая жена отца, фотомодель Роберта Лука.

Игрек в Сиэтле играет эпизодически: в покер по небольшим ставкам. Не женат.

Постоянных связей с женщинами не имеет, случаются эпизодические контакты.

Слова: «является одним из лучших профессиональных игроков России» были подчеркнуты жирным красным карандашом.

Ниже была приписка – тем же самым карандашом: «От дел отошел. Использовать нельзя».

Однако рядом с этой фразой кто-то поставил жирный вопросительный знак.

Хозяин откинулся в кресле. Положил досье на стол. Снова взял фотографию. Да, никакого сомнения – это был он.

Хозяин нажал кнопку вызова.

Через минуту-другую в кабинет с наглухо зашторенными окнами вошел помощник.

Хозяин перебросил ему через стол фото и текст.

– Мне нужен он, – молвил хозяин своими бескровными губами.

– Но, я думаю, он не...

– Меня не интересует, что ты думаешь. Мне он нужен. Добудьте его.

– Понял вас.

– Бюджет не ограничен. Конечно, в разумных пределах.

Глава 1

Америка, Америка...

Таня

Хелена, штат Монтана, США

Том встречал ее с уставшей розочкой в руках. Роза была американской – не нагло-длинной, какие принято дарить в России, а размером не больше вилки. Но зато ее стебель был упакован в крошечную пробирку с водой – чтобы цветок не завял.

Том был все такой же – загорелый, невозмутимый и стройный. Даже более стройный, чем в Москве или в Европе. Видать, поувереннее чувствовал себя на родной американской земле. Кончики его жестких усов задорно смотрели вверх. Таня, бывало, не раз подсмеивалась: «Они как живые!» Когда Том уставал или нервничал, его усы печально обвисали, словно у Тараса Бульбы. Зато на радостях – например, в предвкушении восхитительного секса – черные щечки сами собой загибались все выше и выше. Вставали, значит.

Ловко просачиваясь в толпе снулых американцев, Таня спешила навстречу Тому. Даже сейчас, хотя она безумно устала после суток, проведенных в аэропортах и самолетах, внизу живота шевельнулось что-то предательски теплое и пульсирующее... Сейчас она крепко обнимет Тома, прижмется к нему, заползет рукой под футболку...

Интересно, дорога от аэропорта достаточно безлюдна?

Танин рейс задержался. Задержался совсем по-советски: на шесть часов. И по вполне советской причине: «Неприбытие самолета из-за погодных условий». Вот тебе и хваленая пунктуальная Америка!

В Хелене, штат Монтана, стояла глубокая, абсолютно черная ночь. И полное затишье. За окнами аэровокзала – ни огонька. Ни наглых таксистов, ни суеты аэропорта. Том стиснул ее в объятиях и произнес, пародируя механическое приветствие стюардесс:

– Welcome to the USA!¹

Таня осмотрелась – маленький аэропорт выглядел удивительно пустынным и спокойным. Как будто Монтана вовсе и не Америка. Впрочем, Том предупреждал, что его родной и любимый штат, который живет под девизом «Big Sky Country» («Страна высокого неба»), не относится к числу особо цивилизованных...

Татьяна прилетела из России в чикагский аэропорт О'Хара сегодня утром. Америка встретила ее сурово. Пограничник долго и подозрительно изучал паспорт, весь испещренный визами. А таможенники вообще поступили по-свински: конфисковали три батона черкизовской сырокопченой колбасы, заботливо упакованных Таниной мамой.

Мать прекрасно знала, что дочь не может жить без копченой колбаски, и сунула ей в аэропорту внушительный сверток. Таня запихнула его в рюкзак. И, как назло, именно этот рюкзак таможенники попросили открыть! А она рассчитывала, что трех батонов колбасы ей хватит месяца на два. Но: «В США запрещено ввозить продукты питания!»

А Таня так надеялась, что колбасе удастся проскользнуть незамеченной!.. Она со вздохом отдала санитару в резиновых перчатках и в маске три роскошных батона:

– Хоть не выбрасывайте. Съешьте. Колбаса очень вкусная.

¹ Добро пожаловать в США! (англ.)

Санитар брезгливо швырнул батоны в тележку и отпрапортовал:

– Подозрительные продукты мы уничтожаем.

«Ну и дураки», – подумала Татьяна. Придется перебиваться безвкусной американской колбасой.

Десять американских часов Таня провела в организованной аэропортовой суете, переходя из терминала в терминал. Сначала она перелетала из самого крупного в мире чикагского аэропорта в Солт-Лейк-Сити: город Соленого Озера и мормонов. Соленое Озеро она видела: темно-синее, оно лежало под крылом «Боинга-737» в обрамлении гор. А вот мормонов пови-
дать не довелось. Правда, в аэропорту Солт-Лейка пришлось торчать семь часов в ожидании рейса. Может, и прохаживалась там парочка-другая мормонов, на них же не написано... Наконец объявили рейс на Хелену. На совсем маленьком самолете она совершила последний перелет и вот оказалась посреди самого что ни на есть глухого американского штата.

В ушах еще стоял гул турбин «Боингов», перед глазами мелькали лица попутчиков и стюардесс. Америка произвела впечатление огромной, суматошной и до боли чужой страны. После череды безликих лиц, у которых все «файн»², Том со своей розочкой и глазами, где плясали веселые подростковые искорки, выглядел таким родным... Татьяна уткнулась в его крепкое плечо: «Я так по тебе скучала!»

Том был лучшим Таниным другом. Удивительно, конечно, вышло. Ее лучший друг и одновременно лучший любовник оказался американцем.

Они познакомились полгода назад в Париже. Том помог Тане выпутаться из нехорошей и опасной истории. Помог столь изящно, что она была просто обязана к нему *присмотреться*. А присмотревшись, поняла, что, кажется, он – тот человек, которого она так долго искала...

...Том терпеливо убеждал Татьяну приехать к нему в гости «в монтанскую хибару». Она колебалась. С одной стороны, безумно хотелось быть рядом с ним, а с другой – она никогда не рвалась в Америку. Хваленый американский образ жизни настораживал. Граждане «великой державы», с которыми приходилось встречаться по работе, казались излишне спесивыми. Да и подружки – из тех, кому довелось пожить в Штатах, – отзывались об Америке скептически:

– Штатовцы – зануды и праведники. Не курят, водку фантой разбавляют, по утрам бегают. С тоски помрешь.

Но Том очень хотел, чтобы Татьяна приехала к нему.

– У нас не так уж плохо! – уговаривал ее он. – Мой домик хоть и скромный, но места хватит. Машин тоже достаточно, выделю тебе хоть три. Будешь сама себе хозяйка. Хочешь – учись, хочешь – работай, хочешь – путешествуй или бездельничай...

В конце концов, что ей терять? Не понравится – всегда сможет вернуться домой. И Татьяна отправилась в американское посольство.

Молодой клерк, весь усыпанный рыжими веснушками, не глядя на нее, небрежно поинтересовался:

– У кого в Америке вы собираетесь жить?

– У моего друга. Чиновник уже размахнулся шлепнуть ей в паспорт отказ, но, соизволив рассмотреть симпатичную блондинку, решил еще немного поработать. Может быть, предложить ей визу в обмен на маленькую услугу после чашечки кофе...

– Вы имеете в виду друга... жениха?

Таня пожала плечами:

– Я пока замуж не собираюсь.

Клерк непонимающе посмотрел на нее и выдал стандартный вопрос:

– А кто вам окажет материальную поддержку на период пребывания в США?

– Мне не нужна поддержка. Я живу на собственные средства.

² Прекрасно (англ.).

– Могу я узнать, какой суммой они исчисляются? – скептически поинтересовался чиновник.

«Тебе столько и не снилось», – сказала про себя Татьяна и молча протянула ему выписку со своего счета в Банке Люцерна.

Ей стало жалко несчастного вьедливого клерка. Еще минуту назад он вальяжно считал себя обеспеченным американцем и снисходительно жалел «этих несчастных русских, у которых месячная зарплата – тридцать долларов»...

Клерк не задавал больше никаких вопросов. И на чашку кофе не приглашал. Он пробормотал, не глядя ей в глаза: «Виза будет готова после обеда». Очередь, дышавшая за Таниной спиной, проводила ее завистливыми взглядами...

Она получила мультивизу на три года. И даже – с правом работы, хотя об этом не просила. Возможно, клерк решил, что она захочет зарегистрировать в США фирму и инвестировать свой капитал в американскую экономику.

...Том подвел Таню к огромному – такие «новым русским» не снились – мини-вэну «Додж-Караван» последней модели, одиноко дремлющему на стоянке под черным звездным небом.

Затем они помчались по абсолютно пустому, увязающему в темноте шоссе. Что там, по обе стороны дороги? Заколдованная страна Оз? Между тем под тихий фон любимого Томом кантри, льющегося из квадродинамики машины, Танина рука путешествовала по его плечам, груди, пробиралась под ремень джинсов...

– Тапуа, gaishniki... – со смехом отбивался Том. Ему довелось ездить по Москве за рулем и даже платить штрафы по «спецтарифам для иностранцев».

– Какие гаишники, ночь на дворе! – хохотала Таня.

– Таня, здесь запрещена остановка! – отбивался правильный Том.

– Ну и плюнь! Аварийку включишь.

– Так остановится кто-нибудь, решит помочь...

Но, конечно, Том не выдержал. Тормознул на обочине. С обеих сторон на дорогой нависал могучий сосновый лес.

– Как под Александровом, – прокомментировала Таня.

– Александр?..

– Это город. Страшная глушь. Во Владимирской области.

Утопая в пахнувших туалетной водой «Гуччи» объятиях Тома, Татьяна наслаждалась полнейшей, не американской, тишиной и стремительным сексом под ропот вековых деревьев...

Наконец они прибыли в Томов «домик». Сначала машина съехала с твердого асфальта на мягкую грунтовку. Таня подумала: «Как у нас на даче». Машину потряхивало на вполне российских ухабах. Том весело сообщил:

– Это дорога называется Харвуд-роад. Ее проложил мой дед, ну, в его честь и назвали.

Фамилия Тома была Харвуд. Ого, он, оказывается, уже воплотился в «пароходы, строчки и другие долгие дела»!

Машина остановилась у огромного одноэтажного дома с остроугольной, как у юрты, крышей. Дом обступали деревья. И нигде не видно заборов. Где же кончается участок?

Том прочитал ее мысли:

– Ограду отсюда не видно. Территория у меня большая.

Вот тебе и «маленький домик»! Но Татьяна не очень-то и удивилась. Она давно подозревала, что «хибара в Монтане» – не совсем хибара. Таня даже надеялась, что местная «глушь» на проверку окажется чуть более цивилизованной. Но сейчас ей было не до капризов. Тридцатичасовой перелет ее таки доконал. Стали безумно слипаться глаза. Завтра, она все рассматривает завтра. Том бережно взял ее на руки, куда-то понес и положил на приятные прохладные простыни. Уже засыпая, она услышала:

– Таня, я так ждал тебя...

* * *

Проблемы с часовыми поясами – это для нервных девушек. Или для тех, кто не очень устал. А если ты проведешь в аэропортах и самолетах в общей сложности больше суток... Таня улеглась спать в пять ночи по монтановскому времени. Или в три часа дня по московскому. И заснула прекрасно. Сквозь сон она слышала – или ей казалось? – отдаленный гул поездов и чей-то вой. Эти звуки напоминали московскую квартиру. Там под окнами тоже гроыхали электрички и были беспокойные собаки. Когда она проснулась, ее часы показывали десять «пи. эм.»³. А в окно билось наглое яркое солнце. В первую секунду Таня опешила. Но быстро сообразила, что теперь она будет жить по американскому времени. И по американским порядкам. Она перевела часы и с отвращением сунула теплые со сна ноги в босоножки – тапочек в Америке не полагается. Полезла в чемодан за чистой футболкой. Об этом ей говорили: что бы ни случилось, в Штатах ты каждый день должен быть в новом и чистом. И со свежeweмытой головой. Таня тряхнула своими роскошными (и уже полтора дня не мытыми волосами) и отправилась на поиски ванной.

Отсутствие тапочек не нравилось ей. Ничего, она обживется и заведет здесь собственные порядки!

* * *

Поместье Тома занимало ни много ни мало десять гектаров. Словно небольшой колхоз. Здесь были свой огород и теплицы, многочисленные постройки – в том числе отдельно стоящий дом, где Том работал (он назывался «офисом»), и два гостевых домика, а также небольшой бассейн и даже электростанция, работающая от солнечных батарей. Это был свой собственный феодальный мирок – до ближайших соседей нужно было ехать на машине три мили. А до ближайшего городка (почта, аптека, заправка, магазинчик, церквушка, школа, плюс тридцать два двора) – семь миль.

Некоторая цивилизация на ранчо, конечно, присутствовала. В рабочем домике Тома имелись: телефон; компьютер, подключенный к Интернету через модем и выделенную телефонную линию; ксерокс и факс. Так что в любую секунду можно было связаться, поговорить или отправить электронное письмо в Москву, в Париж или Нью-Йорк. (Вот только в какую-нибудь Овсянку или Абрикосовку не получится.) В гостиной основного дома помещался внушительных размеров плоский телевизор, снабженный спутниковой антенной (288 каналов. Как ни включишь, по одному из них обязательно идет «Терминатор»). Имелись также видеомagneфон, музыкальный центр и установка для караоке. А на кухне ворковали два холодильника, дремали посудомоечная машина, СВЧ-печь и даже электрический консервный нож. Зато горячая вода нагревалась в затрапезной колонке, как где-нибудь в Урюпинске. Туалет и вовсе был на улице. Том слегка смущенно показал ей стоящее на отшибе внушительное дощатое строение.

– Почему такой большой? – удивилась Таня.

Он загадочно усмехнулся:

– Увидишь.

В туалете можно было танцевать – метров двадцать, не меньше. А стены сортира оказались сплошь заклеены официальными письмами. Таня пригляделась. Письма были адресо-

³ р. m. – past meridiuм – после полудня (англ.). То есть десять часов вечера.

ваны Томасу Дж. Харвуду из, казалось, всех существующих в Америке журналов и издательств: «Сожалею информировать вас о том, что ваша рукопись нас не заинтересовала...» Писем однотипного содержания было никак не менее двух-трех сотен.

«Ага, Том специально построил такой огромный туалет, чтобы было куда вешать «отлупы» из редакций!»

Количество отказов вызывало невольное уважение. Татьяна обратила внимание, что самое старое, совсем выцветшее письмо было датировано восемьдесят вторым годом. Том ждал признания семнадцать лет. И добился-таки! Мистер Харвуд, самое громкое имя сезона 1999 года. Автор нашумевшего романа, который был распродан тиражом без малого восемьсот тысяч экземпляров. Писатель, которого в течение семнадцати лет «посылали» во всех издательствах. Хозяин огромного поместья. С туалетом на улице. С туалетом, где все стены обклеены пренебрежительным: «У вас, безусловно, есть определенные способности. Однако...»

– Мне тут понравится! – решила Таня, безуспешно пытаясь нащупать рукой рычажок спуска воды. Потом она вспомнила, что здесь – ранчо. Подобный сервис не предусмотрен...

Игорь

Сиэтл, штат Вашингтон, США

Хозяина дома звали Эндрю Райтман. Адвокат. Сорок лет, младший партнер юридической фирмы «Дженнингс, Стивенс и Райтман».

Идеальная жена, вундеркинд-дочь, особняк на берегу залива. Блестящая карьера, богемный «Мерседес»-купе и платяной шкаф с сотней дорогих рубашек. Даже его фамилия – Райтман, Правильный Человек, – провозглашала устойчивость и солидность на веки вечные.

Приятеля называли его Дрю. Игорь именовал Дрюнчиком. Адвокату никак не удавалось повторить прозвище, придуманное «этим русским»: *Дрюнишик? Дренчик?*

Воскресные вечера Эндрю Райтман посвящал покеру. На широкой, опоясывающей дом террасе устанавливали массивный красного дерева стол. Покрывали его изумрудным сукном. Супруга адвоката демонстрировала патриархальное послушание: по первому зову мужчин смешивала напитки и распечатывала новые колоды. Игорь давно заметил, что в коктейлях в этом доме водку не разбавляли, а колоды, с виду аккуратно заклеенные, были мечены еле заметными булавочными уколами. Адвокат рьяно боролся за свои капиталы. Даже в уик-энд.

Игоря эти непрофессиональные уловки не пугали. Водку он не пил. Ну, а булавочные наколки – это вообще для «чайников».

Сегодня играли в классический пятикарточный покер. Над заливом Эллиотт⁴ стоял чудесный осенний закат, ослепительные паруса яхт золотились под осенним солнцем. Дрю напряженно щурил глазенки, пытаясь рассмотреть в накатывающих сумерках рубашки Игоревых карт. Судья Мик Тордс и доктор медицины Джо Смайли все время пасовали и в паузах вели бесконечную дискуссию о законности эвтаназии. Часто выходило так, что Игорь один на один сражался с адвокатом Дрюнчиком.

– Поднимаю на сто, – неуверенно сказал Эндрю. Он никак не мог разглядеть рубашки карт противника.

Игорь внутренне улыбнулся:

– Принимаю.

⁴ Сиэтл, штат Вашингтон, расположен на Тихоокеанском побережье США и отстоит на тысячи километров от города Вашингтона, округ Колумбия, столицы Соединенных Штатов. (Прим. авторов.)

Он небрежно переложил карты в левую руку. Все равно он держит их так, что адвокату никогда не удастся разглядеть оборотные стороны.

– Двести. И открываемся.

– Плюс пятьсот. И продолжаем.

Эндрю тяжело задышал.

На террасу выскочила адвокатская дочка – крепенькая девчонка лет десяти с не по-детски хитрыми глазками. Она бросилась к папе:

– Дэдди, можно я сыграю с вами?

Папа досадливо промолвил:

– Сыграешь, сыграешь!

– Смотри, ты обещал! – торжествующе выкрикнула девочка и убежала в дом.

«И ведь сыграет, – досадливо подумал Игорь. – Папа не поскупится. Выделит дочке тысяч пять на резвость».

Адвокат решил:

– Поднимаю на тысячу. И открываемся.

– Две. Продолжаем.

Судья Тордс на секунду прервал свою высоконаучную полемику с доктором и поинтересовался:

– *Игор...* признайтесь! Откуда у русских такие деньги?

Игорь невозмутимо ответил:

– На кону всего семь тысяч. Разве это деньги?

– На кону – десять! – провозгласил Эндрю.

Игорь пожал плечами:

– У меня каре.

Адвокат, которому окончательно изменила выдержка, радостно провозгласил:

– У меня тоже каре. Тузов!!!

Он потянулся к деньгам. Игорь мягко остановил его руку:

– У меня – каре шестерок. Пятая карта – джокер.

Игорь не стал судорожно распахивать по карманам выигранные деньги. Успеется.

Он спокойно положил карты на стол и снизошел до коктейля, поданного еще час назад хозяйкой дома. Водка, чистая водка! Могли бы для приличия разбавить хоть ложечкой содовой.

Солнце упало на краешек залива. Вода сразу почернела, воздух стал сырым и свежим. Адвокат судорожно затягивался «Ковбоем Мальборо». Видели бы его сейчас коллеги – на работе все сотрудники тщательно скрывали, что они курят. Не принято.

Прибежала адвокатская дочка. Папа выдал ей две тысячи долларов. Сдавал Игорь. Он обеспечил девчужке «фулл хаус». Все проиграли. Малышка радостно уволокла в детскую кучу зеленых бумажек. Ее папа сменил гнев на милость. Игорю внезапно стало смертельно скучно. Элита, блин, высшее общество! Сидят по вечерам, крапят булавками карты... Он решительно встал из-за стола:

– Прошу меня извинить... Дела.

– В воскресенье вечером? – удивился Эндрю. Ему хотелось играть еще и еще.

Игорь только пожал плечами:

– У меня рабочий день ненормированный.

У него и правда были дела.

«На старости лет», в тридцать один год, Игорь умудрился вляпаться в академические проблемы. У него давно была мысль подвести под свой профессионализм игрока теоретическую базу. За два месяца он подготовил курс «Практические аспекты теории карточных игр»

и рискнул представить план занятий в Университет Вашингтона. (Там же, кстати, подвизался и папаша – преподавал ядерную физику.)

Тридцать шесть часов, одна курсовая, по окончании – экзамен. В университете его программу неожиданно встретили на ура. Ректор, прочитавший предложения Игоря, лично принял его и даже – неслыханная любезность! – вышел из-за своего массивного стола, чтобы пожать руку молодому преподавателю из России. «Оформляйте документы! И поскорее! Ваш курс будет пользоваться огромной популярностью», – торопил Игоря уважаемый профессор.

Однако въедливая тонконосая девица-делопроизводитель, которая должна была готовить текст контракта, быстро умерила Игорев пыл:

– Где ваши документы?

– В смысле – паспорт? – ослепительно улыбнулся Игорь.

Еще с советских времен он привык, что для устройства на работу нужен паспорт.

– В смысле – сертификаты на право преподавать на английском языке, – оборвала его девица-буквоедка.

Разумеется, никаких сертификатов у Игоря не было.

– Мы оплатим вам стоимость экзаменов, – обнадежил ректор. – Только, пожалуйста, постарайтесь успеть к началу учебного года.

Проклиная в душе американскую бюрократию, Игорь закупил все имеющиеся учебники, надеясь подготовиться к экзаменам за пару дней. Он вполне прилично говорил по-английски, так что учеба много времени не займет. Однако экзамены оказались достаточно непростыми – даже для Игоря с его феноменальной памятью. Хитрые америкашки как будто специально вставляли в тесты такие слова, которые Игорь и по-русски не знал. Например, *verdigris* означало «ярь-медянка». Что за зверь такой – ярь-медянка?

Были и вопросы с подвохом. Например, *transport*. На самом деле это означало вовсе не «средство передвижения», а «сильную эмоцию». А он-то голову ломал, пока не заглянул в словарь: «У Хелен был сильнейший *транспорт* после смерти любимой собаки».

Но новое занятие Игоря в определенном смысле даже захватило. Он с удивлением понял, что ему *нравится* корпеть над толстенным учебником, копаться в словарях и заучивать перед сном незнакомые слова. «Как школьник, ей-богу», – ворчал он про себя. Однако добросовестно каждый вечер садился за письменный стол, включал автоответчик и готовился к экзаменам... Игорь поражался себе: профессиональный игрок, царь и бог в кругах азартных картежников, человек более чем обеспеченный и состоявшийся, готовится к экзаменам, как последний студент... Но чего не сделаешь ради того, чтобы заиметь – на пару с папочкой! – собственный курс в Университете Вашингтона!

Таня

Три недели спустя.

Харвуд-ранчо, Эйвон, штат Монтана, США

Ночью ее опять разбудил надсадный шакалий вой. Звери ходили где-то близко, чуть ли не под самыми окнами. Том крепко спал, а Таня лежала без сна, вслушиваясь в бесконечное «уау-уа-уау». Совсем охамели шакалы, ничего не боятся. От пятерых собак, которые живут в поместье, толку мало. Попрятались. Не защищают хозяев. Только «Педигри» зря лопают.

По крыше хлестал дождь, где-то вдалеке басили поезда. Высоко, под крышей, жалобно поскрипывали доски. В натопленной комнате жарко пахло древесной смолой. Деревня, да и только! Кто сказал, что Америка – страна небоскребов? Одни шакалы тут. Да гул далеких поездов. И заброшенное в монтанской глуши поместье.

Таня плотней закуталась в деревенское ватное одеяло и спрятала голову под подушку. У нее дома, в Москве, и то веселей было. Под окном визжали тормозами машины. Подростки распевали под гитару блатные песни. За стенкой ругались сварливые соседи. Жизнь кипела. Таня теперь была бы рада даже на метро (ненавистном когда-то) проехаться. Спуститься под землю на настоящем эскалаторе, поглазеть на публику, побороться за сидячее место... Ей не хватало ритма, шума, энергии большого города.

Хотя Том, надо отдать ему должное, всячески старался развлечь свою российскую гостью. Развлечь – по меркам затерянного в лесах штата Монтана.

Он возил ее в уездный городок Диир-Лодж. Кормил отбивными в семейном ресторанчике, поил «Гиннесом» в баре, водил играть в крикет. Они сходили на бейсбольный матч, в зоопарк и на спектакль заезжего полулюбительского театра.

Пару раз в неделю наезжали гости и в поместье. Поначалу Татьяна с удовольствием играла роль хозяйки в огромном холостяцком гнезде. Готовила *salad de russe*, то есть нашенский салат «оливье», и пельмени. Удивила американцев «традиционным русским коктейлем *yorsch* – смешивала водку «Смирнофф» с пивом «Миллер». Принимала участие в интеллектуальных беседах. Но она быстро устала от гостей Тома. Слишком они были респектабельными и правильными. Слишком ужасались, когда Татьяна рассказывала им о России. «А правда, что у вас мясо каждый день дорожает? А правда, что на центральных улицах стоят проститутки?»

Тоже мне, нашли проблему. У нас мясо хоть и дорожает – зато оно настоящее. Парная свининка, полная холестерина и прочих вредностей, – какой из нее шашлычок можно сварганить! Не то что из американского безвкусного мяса! А проституток и в Америке хватает – вон, видела она: стоят тут в городках у баров. Сущие лошади со стопудовыми задницами. Да наши хохлушки с Тверской им сто очков дадут!

Таня честно пыталась прижиться в Америке. К чему-то привыкнуть, что-то – на свой вкус переделать. Она ела здоровую пищу, которую предпочитал Том. Но... Безвкусные салаты закусывала огненно-острой колбасой с перцем, а обезжиренную индейку заливала толстым слоем кетчупа. Она завела в доме новые порядки: теперь никто не смел ступить в комнаты в уличной обуви. Они с Томом переобувались в пушистые тапочки, а для гостей Татьяна закупила сто пар войлочных шлепок всех размеров.

Днями, когда Том закрывался в своем офисе и весь погружался в новый роман, Таня на парадной «Хонде-Аккорд» Тома гоняла по окрестностям. Ставила в машине привезенную из Москвы кассету с российской попсой и под Наталью Ветлицкую нещадно превышала положенные 55 миль в час.

Она изучила все окрестные городки и деревеньки. Везде – одно и то же. Одноэтажная, блин, Америка. Центральная улица с несколькими магазинами, ресторанами и барами. Церквушка. Больница. Мэрия. Все, как и в небольших российских городках, только более чистенькое-прилизанное.

И чертовски чужое.

Один только Том был *своим*. У него – кажется, единственного во всей Америке! – были нормальные глаза. С непредсказуемыми чертиками. И – чувство юмора. И надежность. С ним хотелось быть вечно. Но только – не в забытом богом поместье.

...Таня выбралась из жаркой постели и неслышно прокралась в гостиную. Тишина, какая тишина! Даже шакалы утихли. Ей захотелось что-нибудь швырнуть – только чтобы услышать *звук*, не хорониться под шумом дождя... Она вытащила из бара жестянку с соком и с шумом

отодрала крышечку. На секунду задумалась – и достала оттуда же пачку «Мальборо». Она почти бросила курить – в Америке это немодно! – но сейчас все равно никто не видит...

И тут, перекрывая стук дождя, затренькал телефон. Таня автоматически взглянула на часы: три утра. Звонок был междугородний. Неужели у мамы что-то случилось?

Она поспешно схватила трубку и вполголоса, чтобы не разбудить Тома, сказала: «Хэлло?»

Ей ответил мужской голос.

По-русски:

– Слава богу, я тебя застал.

Игорь

Сиэтл

Сегодня выигрыш составил шесть тысяч семьсот долларов. Минус налог (разумеется, не в городскую казну) – оставалось 4700. Все равно достаточно. Американская мафия удовлетворялась тридцатью процентами. Стив, жучила, забирая двадцать сотенных купюр, хохотнул:

– С тебя еще десятка. Проценты считать не умеешь?

Стив хоть и выглядит дурак-дураком, а считает – как аптекарь. Только до Игоря ему все равно далеко. И до настоящего размаха – как до неба. В Америке – ставки маленькие, партнеры – остороженькие, а страсти – куценькие. В России и играли бы на десятки тысяч, и обсчитывали не на десятку, а на штуку как минимум.

Игорь вспомнил, что как-то, рассчитываясь со своим российским работодателем, недодал тому пятьсот рублей. Случайно, просто задумался. Его хозяин недостачу заметил, но ничего не сказал. А однажды, когда они сидели в ресторане, обронил: «Платишь ты. В счет мелкого воровства». Вот это по-нашему, по-русски. А тут – на десятку паршивую обсчитали...

– Чек тебе выписать? – отшутился Игорь.

Десятидолларовых купюр у него не было. Да если б и были – не дал. Нечего мелочиться! Игорь, по большому счету, Стива кормит и одевает, тот его процентами только и кормится. Так кормись с благодарностью, не попрекай вшивой десяткой!

От чека на десять долларов Стив отказался: «Ладно, пойдут тебе как сверхурочные». Тоже мне, прораб!

Но игра действительно получилась сверхурочной. Игорь освободился только в десять утра: партнеры никак не хотели отпускать его раньше. В голове гудело – даже сверхмощные кондиционеры плохо помогали против едкого запаха кубинских сигар, которые курили за игровым столом. Игорь тоже дымил вонючей сигарой, памятуя российскую игроцкую приписку-мудрость: «Кури больше – партнер дуреет». И теперь во рту было противно и кисло, а яркий солнечный свет раздражал уставшие за ночь глаза. Игорю даже пришлось надеть темные очки. Заводя машину, он краем глаза увидел себя в зеркале заднего вида и чуть не расхохотался: бандит, сущий чикагский бандит тридцатых годов. В черном костюме, с бледным лицом, черными стеклами на глазах и пятью штуками наличных баксов в кармане.

Стояло радостное свежее утро. Воздух пах чистотой и осенью. Не хочется возвращаться домой. Дома он сразу уснет. А когда встанет – солнечного дня как не бывало... Игорь притормозил у Линкольн-парка. Хотелось тишины и природы. Полного осеннего одиночества.

Игорь выбрал себе самое раскидистое дерево и, по американским обычаям, улегся прямо на траве. Брюки, конечно, зазеленеют – подстилки у него не было – да и бог с ними. Всегда можно купить новые. Или две пары новых. Средства позволяют.

В последнее время Игорь с удовольствием стал замечать, что у него снова остаются *лишние деньги*. Деньги, которые он не знал куда потратить. Игорь вовремя платил взносы за купленные в кредит дом и автомобиль, обедал и ужинал в дорогих ресторанах, шил на заказ одежду и летал на уик-энды во Флориду или на Гавайи. Однако у него все равно иногда оставались *лишние деньги*. Хотя начинай копить на счастливую старость... Игорь смеялся над этой мыслью – с помощью штуки-другой в месяц на пенсию себе не накопишь. Лишние деньги он под благовидными предложениями всучивал папе. Отец всегда сначала категорически отказывался, потом начинал колебаться, потом деньги все-таки брал: тратил их на молодую – ровесницу Игоря! – красотку-жену.

...В парке было почти пусто. Только «бэбиситтерцы»⁵ в тусклых платьях и с обиженными взглядами прогуливали детишек богатых родителей. Ребяшня каталась по траве и лазила по деревьям, а молодые нянюшки кидали на Игоря загадочные взоры.

Игорь разомлел под нежарким утренним солнцем: давала знать бессонная ночь. Он чуть не уснул. Из уютной полудремы его выдернул мужской голос. Мужчина произнес, старательно артикулируя английские слова:

– Извините, могу я вас спросить...

Игорь неохотно приоткрыл глаза. Над ним нависал небритый полноватый дядечка. Рыхлое лицо, залысины, желтоватые зубы. Хотя одет – вполне прилично. Почему-то Игорь сразу понял: это русский.

«Я могу вам чем-то помочь?» – услужливо подсказал мозг традиционную английскую фразу. Но вместо нее Игорь пробурчал по-русски:

– Чего надо?

Мужик просиял:

– Блин, Гарик, это все-таки ты! Не узнал, братан, сразу.

Игорь не принял фамильярного тона:

– А я вас и сейчас не узнаю.

– Да бог ты мой, – мужик тяжело опустился на траву, – ты вспомни! МГУ, первый курс, мехмат... «Катран» на Солянке...

Работодатель! Он только сегодня поминал добрым словом своего московского работодателя!

Игорь впервые – лет, наверно, за пятнадцать – кого-то не узнал с первого взгляда.

Подтянутый импозантный работодатель, всегда чисто выбритый и благоухающий популярным в советские времена одеколоном «О-жен», стоял перед ним – с постаревшим, нездоровым, отечным лицом. Это он когда-то нашел и приветил семнадцатилетнего мальчишку, который благодаря своей феноменальной памяти никогда не проигрывал в карты. Это он регулярно обеспечивал его лохами, готовыми сыграть по большим ставкам. Игорь с легкостью выигрывал, работодатель получал свои проценты, а лохи отправлялись зарабатывать деньги на новую игру.

Потом их пути разошлись. Работодатель Игоря не искал. Хотя дал понять, что найдет – как только он ему понадобится. Однако прошло уже столько лет, и надобности, видать, не возникало.

Игорь спрашивал себя – рад ли он этому? С одной стороны, ему стало гораздо спокойнее. От работодателя за версту несло криминальной средой. Пороховой бочкой несло – которая может рвануть в любой момент.

Да, работодатель всегда играл с ним честно. Он исправно поставлял ему лохов. И брал себе по справедливости, сорок процентов. Но Игорю тогда частенько казалось: он идет по минному полю. В любой момент что угодно может случиться. Против него могли выставить – чего не бывает? – превосходящего противника. И он, Игрек, не *выиграет* пять или десять тысяч

⁵ От английского babysitter – наемная нянечка.

тех советских рублей, а *проиграет* их. Как он тогда будет расплачиваться? Или же очередной проигравший лох вдруг выхватит пистолет и с боем отобьет свои деньги... Или: МУР, а то и КГБ накроет квартиру, где идет большая игра...

Однако ничего подобного не случилось. Случилась иная неприятность – покончил с собой один из игроков. Он проиграл Игреку тридцать тысяч – и не смог рассчитаться.

После этого случая работодатель исчез. Игорь, с одной стороны, радовался, с другой – скучал. Ему не хватало больших игр, высоких ставок, сильных эмоций. Он говорил себе: «Нет – и слава богу». Но все равно в глубине души надеялся, что бывший хозяин его найдет. Вот тот его и нашел. Игорь никогда не поверит в то, что это – случайная встреча.

...А работодатель здорово изменился. Похоже, что он «отдыхал» – где-нибудь на севере нашей необъятной родины. Вон, цвет лица какой нездоровый. Зубы порчены авитаминозом и дешевым табаком. В углу рта блестят две золотые коронки. На тыльной стороне ладони – шрам: видно, от сведенной татуировки. Явно, явно, отдыхал *работодатель* не в Сочах...

Игорь присвистнул:

– А вы постарели... Сразу и не узнаешь.

– Да и ты, мой мальчик, не молодеешь. Бледненький... Нюхом чую – опять всю ночь играл. Сколько местные-то с тебя дерут?

– Уж поменьше, чем ты, – Игорь решил, что ему тоже можно обойтись без «выканья». – Как ты меня нашел?

– Представь себе, через Стива. Он предложил мне партнера по покеру. Хоть, говорит, парень и русский, но играть с ним – высший класс... Я и подумал – не о моем ли Игореке речь?

Так я и поверил в эти сказки!

– Как будто ты умеешь играть в покер! – Игорь никогда раньше не позволял себе разговаривать в таком фамильярном тоне, но работодатель, казалось, не возражал.

– Я и не собираюсь играть с тобой в покер, – неожиданно жестко сказал бывший работодатель. – С тобой хотят сыграть другие.

– Шулера небось?

– Когда я предлагал тебе шулеров?

– Бандиты?

– Бизнесмены. Нефть, никель, алюминий, все дела.

Отказаться, что ли?

Игорь вздохнул:

– Когда?

– Завтра.

– Где?

– Здесь, в Сиэтле.

– Неужели в преферанс?

– Ты же перешел на покер?

– Да я хоть в «блэк джек».

– В «очко» то есть? Не советую. Обуют.

– Значит, покер.

– Йеп.

– О, ты обамериканился!..

– Почти.

– Когда?

– Сегодня вечером.

– Где?

– Отель «Пасифик Плаза».

– О, солидные ребята. – «Пасифик Плаза» был самым крутым в Сиэтле отелем. – На сколько их можно подсадить?

– На сколько сможешь. У них бабок куры не клюют.

– Твой процент?

– Тот же. Сорок.

– Что ж, я готов.

– К десяти подгребай в лобби. Я с ними ужинаю перед игрой.

– Выпивки на них не жалей.

– Не учи ученого. До завтра. Держи краба.

И *работодатель*, сунув Игорю сухую плотную руку, быстро зашагал по аллее к выходу из парка – чужеродный, словно инопланетянин, в этом чистеньком американском парке с ровными асфальтовыми дорожками и аккуратненько стриженной травой.

Глава 2

«Зеленый» «лимон»

Сиэтл

«Ну идиотка! Чуть больше месяца смогла прожить спокойно. И нате вам, понеслась... Надо было послать его куда подальше, а не мчаться по первому зову. Кто он мне – сват, брат? Что за дурацкая спешка?»

На душе у Тани скребли кошки.

Том так и не проснулся – под шум дождя спится крепко. Татьяна, крадучись, словно ворюга, покидала в чемодан свитера и футболки, зубную щетку и косметику. Нацарапала записку: «Том, улетаю в Сиэтл по срочному делу. Люблю, целую, позвоню. P.S. «Додж» оставляю на стоянке в аэропорту Хелены».

Она за полтора часа добралась по пустынному утреннему шоссе до Хелены. Ехала и вспоминала ночной разговор.

– Танечка, привет...

– Привет...

– Не узнаешь? Парашютист-пассажир.

– Вау, какие люди! Игорь, какими судьбами? Ты откуда?

– Отсюда. В смысле – из Штатов. Из Сиэтла.

– А как ты узнал?..

– Твоя мама телефон дала. Пять минут назад. Только велела звонить попозже. А то, говорит, разбудишь, у них сейчас ночь. Кстати, я тебя разбудил?

– Ни капельки. У меня бессонница. Сижусь, пью сок. Курю «Мальборо». А ты чего не спишь?

– Тоже бессонница... Ну как ты там?

– Хороший вопрос... Для трех часов ночи. Нормально. Идет дождь. Воют шакалы. А как ты?

– Great!⁶

– Счастливчик!

– На самом деле – довольно хреново. Но здесь принято говорит «грейт»... Слушай, мы можем встретиться?

– Конечно! Приезжай сюда к нам! Том будет рад. Устроим барбекю... Чего ты хмыкаешь?

– К сожалению, не могу. Ты можешь прилететь в Сиэтл?

– Я?

– Да. Ты мне очень нужна.

– Когда?

– Как можно скорее.

– Ну, я не знаю...

– Самолет из Хелены улетаёт в шесть утра. Я тебя встречу.

– Ты с ума сошел. Что я скажу...

– Это. Очень. Нужно.

– Ты сумасшедший.

⁶ Класно! (англ.)

– Не можешь?

– Наверно, могу, но что я скажу... Тебе это правда нужно?

– Нужно.

– Скажи хотя бы, зачем?

– Не стоит по телефону... Но если ты правда не можешь...

– Да кто тебе сказал, что не могу?!

– Тогда... Сразу иди на парковку. Найдешь синюю «Тойоту-Короллу». Номер Ди-Пи двенадцать – сто семь. Дверь не заперта, ключи под водительским ковриком. Выезжай на шоссе, я тебя обгоню. Черный «Ягуар», номер... Ладно, не так уж много в Сиэтле черных «Ягуаров»... Посматривай, чтобы не было «хвоста».

– Игорь, а меня там, на парковке, не пристрелят?.. Что ты молчишь?!

– Надеюсь, что нет...

В тихом аэропорту города Хелены она взяла билет на первый рейс до Сиэтла. Самолетный клерк с усталым кокетством сказал: «Завидую тому, к кому вы летите – в такую рань и в такую непогоду».

Татьяна улыбнулась:

– Самолет-то взлетит в такой дождь?

Клерк сделал большие глаза:

– Я очень на это надеюсь!

Уже в самолете зазвонил ее мобильный телефон – проснувшийся Том, судя по всему, требовал объяснений. Тане не хотелось сейчас ничего объяснять. Она сказала своей соседке по креслу: «Жаль, что на борту запрещено пользоваться мобильной связью». И выключила аппарат. Соседка с симпатией взглянула на законопослушную пассажирку:

– Извините, у вас такой приятный акцент... Вы француженка?

– Нет, я русская, – привычно ответила Таня. И добавила про себя: «Русская идиотка».

* * *

Синяя «Тойота-Королла» оказалась типичной арендной рухлядью. Татьяна долго возилась с регулировкой сиденья – непослушное кресло никак не хотело фиксироваться в нужном положении. Коробка передач была расположена неудобно низко, зеркало заднего вида оказалось маленьким и мутным... Вот так машина! Интересно, когда она найдет Игоря на его «Ягуаре» – как она за ним угонится на старинной «Тойоте»?

Уже выезжая со стоянки, Татьяна поняла, что у «Короллы» засорен карбюратор – или что там у нее? Машина натужно чихала. Интересно, не заглохнет она прямо на трассе? Вот Игорь удружил, подсунул ей колымагу!

...«Ягуар» обогнал ее километров через десять после того, как она выехала с аэропортовской стоянки. Игорь приветливо махнул ей рукой и пристроился спереди. Любуясь лакированной задницей роскошной машины, Таня начинала злиться. Ну что за шутки? Почему бы просто не встретить ее в аэропорту?

Они долго кружили по каким-то второстепенным дорогам, пока Игорь не свернул на заправку. Он миновал бензоколонку и остановил машину у закуской. Не дожидаясь, пока Таня припаркуется, зашел внутрь. С трудом втискиваясь на неповоротливой «Тойоте» в узкое пространство, Татьяна все больше и больше злилась. Игорь – Штирлиц, от кого он хочет спрятаться?

Подойдя к столику, на котором уже стояли две чашки кофе, Татьяна, уставшая от бессонной ночи и машинных маскировок, вместо приветствия ехидно спросила:

– Чего это ты не вышел из кафе через заднюю дверь? Мы бы сменили машины. А встретились где-нибудь в Неваде.

Игорь не принял вызова. Он встал ей навстречу:

– Танечка, спасибо большое, что ты приехала.

Ей хотелось еще немного повозмущаться:

– А почему не ты – ко мне? И почему «Ягуар» достался не мне? Ехал бы сам на этой вонючей «Тойоте»...

Игорь спокойно сказал:

– Здесь известно, что это – мой «Ягуар». Я не хотел тебя подставлять.

– Да ты меня уже подставил. Вот, голову ломаю, что мне Тому сказать...

– Ты разве не свободный человек?

– Ладно, – смирилась Таня. – Выкладывай, что у тебя случилось.

– Можно, я сначала скажу, что ты прекрасно выглядишь?

Таня пожала плечами:

– Ну так что произошло?

Игорь отхлебнул кофе.

– Никак не могу привыкнуть к американской бурде...

– Да не тяни ты.

– Ладно... – Игорь немного виновато улыбнулся, – я действительно зря тяну время. Дело в том, что я очень крупно проиграл. И мне срочно нужны полмиллиона долларов.

Таня разочарованно откинулась на спинку:

– И всего-то? Ты не мог по телефону попросить?

Игорь улыбнулся:

– Конечно, мог. Но по телефону деньги не вышлешь, правда?

– В Америке – запросто.

– Но мне нужны наличные.

* * *

Полмиллиона долларов наличными – большая сумма.

И тяжелая.

Таня вышла из банка со спортивной сумкой через плечо. В ней лежали плотно упакованные стодолларовые купюры. Два клерка с холодным недоумением смотрели ей вслед. Таня могла поклясться, что получение такой суммы наличными – первое в истории этого банковского отделения. И, наверно, последнее. Многие американцы до сих пор еще не видели стодолларовой купюры нового образца: просили Таню продемонстрировать. А зачем им, собственно, наличные? У них у любого безработного по десять штук кредиток. Это русские любят *нал*, хрустящие зеленые бумажки. Впрочем, чего еще можно ждать от *этих русских*.

Они встретились с Игорем через полчаса, в ресторане «Спэйс Нидл» в Сиэтлской телебашне. Все столы были заняты туристами, которые шумно восхищались монументальным сооружением и видом из окна на город и залив.

Таня презрительно подумала: «Тоже мне, нашли монумент. Останкинская башня раза в два выше. Правда, наш ресторан «Седьмое небо» – дерьмо дерьмом».

В «Спэйс Нидл» кухня оказалась вполне приличной. Игорь заказал запеченного в фольге окуна в белом соусе. Таня ограничилась «коктейлем из даров моря».

– Думаю, ты понимаешь, что я тебе эти деньги верну, – начал Игрек. – Заработаю и верну.

– Сиди уж, – усмехнулась Таня.

– Не пройдет и года.

Татьяна решительно отодвинула тарелку с остатками морского коктейля. Сняла с колен салфетку. Немного подумала. Внутренне подобралась и сказала:

– Игорь. Я тебе не верю.

Он – сразу видно опытного игрока – не покраснел и в лице не изменился:

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты просто так, спокойно, отдашь им бабки.

Он пожал плечами. Татьяна продолжала:

– Ты не постарайся отыграться?

– *Он* сегодня улетает.

– Но разве ты не понимаешь, что тебя – подставили?

– А что я могу сделать?

– Не отдавать.

– Карточный долг? Западлю. Да и приедут с паяльником. Я этих ребят хорошо знаю.

– Знаешь, Игорь, я не люблю, когда меня *обыгрывают*. И моих друзей – *тоже*. И я хочу вернуть эти деньги – сейчас.

– Это все – слова, слова, слова.

– Не только слова. Слушай: у меня есть план.

* * *

Игоря обыграл человек, представившийся ему как Пол. На вид это был самый типичный Петя: дитя загаженных российских подъездов, внезапно вырвавшийся из грязи в князи.

Петя-Пол проживал, естественно, в пятизвездочном отеле. «Шератон Сиэтл» на Шестой авеню считался одной из самых шикарных и стильных гостиниц Сиэтла.

Пятизвездочный отель являлся частью нового *образа жизни* Пети – вместе с золотым «Ролексом» и пятидесятидолларовым костюмом.

В час двадцать пополудни Игрек вошел в гостиницу с Таниной сумкой. В час сорок пять – вышел. Сумка его стала явно легче.

Игорь перешел на противоположную сторону и не спеша продефилировал мимо ряда припаркованных автомобилей. Проходя мимо неприметной «Тойоты», он улыбнулся. Из магнитофончика внутри авто чуть слышно доносилась русская-народная, блатная-хороводная: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...» А на разложенном водительском сиденье, откинувшись, полулежала Татьяна.

* * *

Спустя два часа бритый, позолоченный Петя-Пол вышел из отеля.

Швейцар подозвал ему «йеллоу кеб»⁷. Русский небрежно зашвырнул на заднее сиденье «дипломат» и плюхнулся сам. Такси не спеша отчалило.

Вечерний «трафик» еще только начинался, а домохозяйки уже успели съездить по своим супермаркетам и парикмахерским. Поэтому машин на улицах было немного, да и таксист оказался не из лихачей. «Йеллоу кеб» не спеша следовал по Шестой авеню, затем повернул налево на Ворд-стрит.

«Тойоте» не составляло никакого труда держаться у такси на хвосте, соблюдая положенную детективными романами дистанцию в три машины.

⁷ Такси.

* * *

Такси остановилось перед двухэтажным частным домиком на Фэйрвью-авеню. Домик был абсолютно неотличим от соседних особнячков: добропорядочно постриженный газон и аккуратно крашенные деревянные стены. В этом районе Сиэтла проживал местный «миддл класс», всякие там управляющие среднего звена из корпораций «Майкрософт» и «Боинг».

Петя-Пол вышел из такси. «Йеллоу кеб» остался у дверей. Русский поднялся по ступенькам коттеджа и звякнул в дверной колокол. Парадная тотчас отворилась. Бритоголовый исчез внутри.

Не прошло и десяти минут, как дверь снова раскрылась и выпустила русского. Помахивая чемоданчиком, он в крайне веселом расположении духа снова уселся на заднее сиденье такси. «Йеллоу кеб» неспешно отвалил от тротуара.

«Тойота», неприметно припаркованная в тени кленов метрах в двадцати от особняка, завела было мотор, но потом заглушила его.

Такси с русским на борту, никем не преследуемое, исчезло в перспективе улицы.

Девушка за рулем «Тойоты» достала из бардачка сотовый телефон. Набрала номер.

– Привет, – сказала она в трубку. Говорила девушка по-русски. – Фэйрвью-авеню, двадцать восемь – сорок восемь. Все здесь.

С полчаса «Тойота» простояла без движения. За это время по тихой Фэйрвью проехал пяток машин: уже отработавшие менеджеры спешили к своему пиву, чипсам и шоу «Добрый вечер, Америка». Ветерок с Тихого океана чуть шевелил листьями кленов. Промчалась стайка тинейджеров на роликах.

Наконец на противоположной стороне улицы затормозил черный «Форд-Таурус» с номерами прокатной конторы. Мигнул фарами.

«Тойота» не спеша тронулась с места. Поравнявшись с «Фордом», «Тойота» затормозила. Девичья рука высунулась в открытое окно машины и передала водителю «Форда» какой-то сверток. Затем «Тойота» резко взяла с места. «Форд» остался стоять.

Ждать водителю «Форда» пришлось совсем не так долго, как он рассчитывал.

В шесть тридцать вечера перед беленьким домиком на Фэйрвью, двадцать восемь – сорок восемь, снова остановился «Йеллоу кеб». Через три минуты на крыльцо коттеджа вышел человек. В руках у него был щегольский кожаный портфель. За собой он волок изрядный чемодан на колесиках. Через руку был перекинут плащ. Фонарь над крыльцом на мгновение ясно высветил его лицо.

Водитель «Форда» присвистнул и взял трубку сотовой связи.

– Наш парень куда-то собрался, – проговорил он, когда трубку сняли после первого же гудка.

В этот момент шофер такси выскочил из машины и стал помогать пассажиру пристраивать вещи в багажник: район вызова и добротная одежда седока давали надежду на щедрые чаевые.

– И знаешь, кто это? – продолжал водитель «Форда» в телефон. – Мой работодатель. Тот, кто поставлял мне клиентов. И поставил их сейчас.

– Я почему-то так и думала, Игрек, – спокойно проговорила Таня.

– Весь товар, похоже, у него. И он явно куда-то собрался. С чемоданом и плащом. Я следую за ним.

Шофер такси и его клиент уселись в «Йеллоу кеб». Игрек завел свой «Форд».

– Расскажи мне на всякий случай его приметы, – послышался в трубке Танин голос.

– Темно-серый костюм-двойка, на трех пуговицах, – проговорил Игорь, осторожно трогаясь вслед за такси. – Черная рубаша, ворот распахнут, галстука нет. В руках – темно-серый

плащ. Рост – средний. Сложение – плотное. Волосы – светлые, большие залысины. В углу рта – два золотых зуба. На тыльной стороне правой руки – шрам: видимо, от сведенной татуировки.

У Игоря была идеальная память. В ходе одного-единственного разговора с *работодателем* в Сиэтле он рассмотрел его так, что теперь мог рассказать о нем все.

Такси между тем вырулило из тихого райончика на довольно-таки оживленную Декстер-авеню. Таксист прибавил газу, и Игорь на своем «Форде» подтянулся поближе. Связь он не прерывал, зажимая сотовую трубку плечом.

– С объектом – большой пластиковый чемодан, кажется, «смитсоновский», – продолжал размеренно диктовать Игорь, будто бы не неся на скорости семьдесят пять миль в час. – Портфель темно-коричневой кожи. Через руку – темно-серый плащ... А главное, Таня, – от него за версту несет русским. А точнее – русской мафией.

Таня в своей «Тойоте» усмехнулась. В самом деле, немного найдется американцев, что шляются по Сиэтлу с золотыми зубами и шрамами от сведенных татуировок!

«Тойота» была припаркована на тихой Крокет-стрит в шестнадцати блоках⁸ от улицы, по которой двигался вслед за такси Игрек. Плечом Таня зажимала телефон, а сама в это время разворачивала карту: она хотела выйти наперехват *работодателю*.

– Будь на связи, – предупредила она Игоря.

– О'кей, – спокойно откликнулся он. И вдруг заорал: – Shit!

Такси с объектом, следующее впереди Игоря, начало было добропорядочно тормозить на желтом светофоре, и вдруг, совсем по-русски, наддало газу. Затем резко обошло уже остановившиеся у светофора машины – слева, по резервной полосе. И – проскочило перекресток!

Игорь, тоже ставший было тормозить, резко нажал акселератор и бросил руль влево. Надавил на клаксон. С ревом пролетел по резервной полосе и выскочил на перекресток на безнадежно красный. Наперерез уже рванулась сверхскоростная и сверхбогатая «Ламборджини-Диабло» (не иначе Билл Гейтс выехал на прогулку!). «Ламборджини» ударила по тормозам перед самым капотом пролетающего на красный «Форда». «Чертовы наркоманы!» – заорал в открытое окошко «Ламборджини» Билл Гейтс (или кто там был за рулем). «Форд», чудом избежав столкновения, понесся дальше, прибавляя скорость.

Такси между тем маячило уже у следующего светофора.

– Он уходит! – заорал в телефонную трубку Игрек.

– Где он? – нетерпеливо спросила Таня. Ей по беспроводной связи чудесным образом передавался азарт погони.

– Идем по Вирджиния-стрит в сторону Четвертой авеню! – прокричал в трубку Игорь.

Таксист опять проскочил светофор на желтый. Опять Игорю пришлось прорываться на красный. Визг тормозов и проклятья по американской матушке сопровождали его.

На следующем перекрестке такси, двигаясь в крайнем левом ряду, принялось подтормаживать. Игорь почти догнал его и висел на хвосте. Навстречу шел довольно плотный поток машин. Улучив в нем маленький просвет, такси ринулось налево, движению наперерез. Игорь не сумел повторить маневр – встречные машины опять пошли плотно.

Когда зажегся желтый и встречные дисциплинированно затормозили, он сумел-таки повернуть налево, на Пайн-стрит. Однако такси нигде не было видно.

– Fucking shit! – выкрикнул он. – Он ушел от меня!

– Где ты? – спокойно поинтересовалась Таня.

– Угол Вирджиния-стрит и Пайн-стрит, – ответил Игрек.

Танина «Тойота» находилась в это время в восьми кварталах южнее. «В самом деле, fucking shit», – сказала она про себя.

⁸ Кварталы.

Угнаться за такси, уносящим русского мафиози и пятьсот тысяч долларов, она уже никак не могла.

– Он ушел, – спокойно сказала она в телефон.

– Это плохо, – отозвался Игорь.

– Я попробую запасной вариант.

– Давай.

«Тойота» притормозила и подъехала к ближайшему телефону-автомату.

* * *

Первый звонок Таня сделала в справочную международного аэропорта Кинг Каунти. Куда еще, в самом деле, может направляться человек с плащом через руку и чемоданом на колесиках!

Результаты разговора со справочной девушкой Таню вполне удовлетворили. Второй номер, который она набрала, был телефоном полицейского управления Сиэтла.

Когда ее соединили, Татьяна сказала:

– У меня есть данные, что готовится нелегальный вывоз крупной партии наличных... Около полумиллиона долларов... Рейс в Москву, сегодня, эйт-фифтин «пи-эм».⁹

Затем Татьяна, пользуясь данными Игоря, тщательно перечислила приметы курьера: плотного телосложения... большие залысины... два золотых зуба... шрам от сведенной татуировки...

Вряд ли второй такой типчик окажется сегодня в сиэтлском аэропорту (даже на московском рейсе). И вряд ли еще у кого-нибудь окажется при себе полмиллиона долларов наличными.

Будем надеяться, что полисмены возьмут курьера... И тогда завтра они с Игорем отправятся в полицию. И заявят о том, что два русских бандита с помощью шантажа и угроз выбили у них пятьсот тысяч долларов. Эти самые пятьсот тысяч были сняты вчера со счета мисс Садовниковой в «Чейз Манхэттен бэнк». Вот – переписанные в присутствии свидетелей номера банкнот. А вот – приметы русских мафиози, которые нам угрожали. Проверьте: не этих ли самых вы задержали в сиэтлском аэропорту?

Американские копы – это тебе не наши менты. Они страсть как не терпят вымогательства. Тем более когда этим занимается на их законной территории какая-то посторонняя мафия. Так что лет по двадцать американской тюрьмы лысоватому *работодателю* и бритому Петеполу обеспечено.

* * *

Таня со спокойным сердцем отправилась в свой мотель «Вэй Вест». Цены здесь были не в пример ниже, чем в центре; к тому же шиковать и светиться в дорогуших отелях Татьяне отнюдь не хотелось. Пусть бритоголовые российские друзья там отсвечивают.

Она бросила «Тойоту» на мотельной стоянке. Прошла в свой номер, обставленный с американской стерильной аскетичностью: все, что надо, имеется – но нет ничего лишнего.

Разделась догола, расшвыряв одежду. Залезла в душ. Тщательно намылилась. Подставляла упругое молодое тело горячим струям. Хотела смыть с себя аромат легкого американского приключения.

⁹ Восемь пятнадцать вечера.

Когда Игорь преследовал такси с *работодателем*, а она слушала по сотовой связи его отчет о погоне и мчалась, пыталась перехватить бандита, адреналин начал выделяться в кровь. На мгновение вернулось почти забытое пьянящее чувство – смесь азарта и страха. Как в тот момент, когда они с тем же Игорем (и Димкой) неслись в джипе, удирая от бандитов, в окрестностях Светловска. Но тогда чувство опасности было ярче и сильнее. А сейчас... Не риск, а какой-то американский суррогат. Кофе без кофеина, сигареты без никотина, мясо без холестерина... Погоня без адреналина... Однако все равно струйка холодного пота пробежала сегодня по боку. Так что горячий душ ей всяко не помешает.

Завернувшись после душа в полотенце, Таня прошла в комнату. Пощелкала пультом телевизора. В местных новостях о задержании курьера в аэропорту ничего не говорилось. Ну и ладно. Скажут завтра.

Таня выключила ТВ, сбросила полотенце, залезла под покрывало. Дотянулась до телефона.

Том снял трубку с первого же звонка. Скучает, бедненький. Ну, так ему и надо. Пусть знает: негоже запирать девушку в лесах Монтанщины. Девушки любят большие города, вечерние туалеты, дорогие рестораны. Не каждый день – но хотя бы иногда.

– То-омчик, – с придыханием протянула Таня: надо помучить старичка. – Как ты там, мой сладкий?

– Fine! – с вымученной американской бодростью ответил Том.

– А я тут в Сиэтле в мотеле. Лежу на кровати вся голенькая... – проворковала она.

– Ты там одна? – вроде бы в шутку спросил Том.

– Не-ет, со мной тут два мускулистых негра... эскьюз ми, два афроамериканца...

– Надеюсь, тебе хорошо с ними, – пробормотал Том.

Помучив Тома минут десять, Таня наконец завершила его, что любит, скучает и на следующий же день, максимум – через два дня, вернется к нему в монтанскую глушь. Затем погасила настольную лампу, свернулась клубочком и тут же уснула.

Спала она без сновидений.

* * *

В это самое время в международном аэропорту Сиэтла двое полицейских заканчивали личный досмотр пассажира рейса номер SU324 Сиэтл – Москва, подданного России Иванова Аркадия Ивановича. Его приметы в точности соответствовали тем, что сообщила по телефону неизвестная доброжелательница. Они в высшей степени указывали на принадлежность мистера Иванова к русской мафии. Плотное телосложение, глубокие залысины, золотые зубы в углу рта, след от сведенной татуировки на тыльной стороне ладони.

Копы в полиэтиленовых перчаточках дотошно перевернули весь его багаж, ручную кладь и одежду. Однако оказалось, что при себе мистер Аркадий Иванов имеет четыре кредитные карты: «Виза», «Америкэн Экспресс», а также каких-то неведомых «Банка Москвы» и «Импэкс банка». Плюс триста сорок долларов и двадцать пять центов наличными.

Никаких пятисот тысяч долларов при нем обнаружено не было.

– I will complain!¹⁰ – нервно прокричал господин Аркадий Иванов.

Полицейские пробормотали, что они глубоко сожалеют.

Мистер Иванов заторопился по стерильному коридору на свой рейс.

На ходу он вытаскивал из кармана мобильный телефон.

¹⁰ Я буду жаловаться! (англ.)

* * *

Неожиданно вспыхнул ярчайший свет.

Таня попыталась скрыться от него, зарыться под подушку.

Чья-то рука сдернула с нее одеяло. Кто-то сильным тычком спихнул ее с кровати.

Таня оказалась на полу. Голая, она прикрывалась руками и усиленно таращила глаза. Свет слепил. Ничего нельзя было разглядеть.

– Одевайся! – прокричал чей-то голос. Ей швырнули халат.

Голос кричал по-русски.

Таня, плотно закрыв глаза, поднялась с пола и не спеша надела халат. Она старалась соблюдать правила поведения в кризисных ситуациях: не паниковать, не суетиться и не показывать, что тебе страшно. Это ей удавалось – но, кажется, плохо. Таня запахнула халат, уселась в кресло, положила ногу на ногу и открыла глаза.

В номере находились две внушительные мужские фигуры. С ними комната показалась какой-то ужасно тесной. Одного Таня узнала сразу. Это был тот самый игрок – бритый Петя-Пол с «Ролексом», которому Игрек сегодня доставил в гостиницу сумку с пятьюстами тысячами долларов. Тот самый, за которым она проследовала в коттедж на Фэйрвью-авеню. Он чувствовал себя здесь, в Танином номере, хозяином.

Второй был Тане незнаком. Весь его видок, однако, красноречиво свидетельствовал о том, что он принадлежит к Таниным соотечественникам. Причем не к лучшей их части. Накачанная шея, голдовая цепура толщиной в дюйм и короткие мощные лапы не оставляли никаких сомнений в роде его занятий.

– How can I help you, gentlemen?¹¹ – спокойно, насколько могла, проговорила Таня по-английски.

– Слушай, мокрощелка, сюда и не выеживайся, – проговорил первый, бритый Петя-Пол. Он явно привык чувствовать и вести себя, как главный. По-хозяйски прошелся по номеру. Поднял с комода Танин лифчик. Повертел в руках. Хмыкнул. – Ты со своим дружком хотела нас подставить...

Утвердительная интонация не требовала ответа. Таня скрестила руки на груди.

– Вы думали – вы самые умные, – продолжил первый. – Твой мэн решил, что он круче всех. Круче его – только яйца. Он решил нас кинуть... Он решил: раз у него папашка – атомщик, так он может метить бабки и бегать за ними по городу со счетчиком Гейгера-Шмейгера наперевес... Следопыты, блин...

Таня промолчала. Между тем идея пометить банкноты радиоизотопами принадлежала не Игорю, а ей. Это она все придумала и убедила Игоря в своем плане. Тому оставалось только достать у отца в университете радиоизотопы и счетчик Гейгера.

Значит, их с Игорем затея провалилась... Жаль, а выглядело все так красиво...

– Вы хотели нас подставить – а мы не подставились, – продолжил бритый. – И что теперь? Думаете, вам это сойдет?

Вопрос был риторическим, и Таня по-прежнему молчала.

– Не сойдет, – спокойно продолжил Петруха-Пол. – Вы, ребята, налетели на бабки. А раз налетели – придется платить. Короче! За нанесенный нам материальный и моральный ущерб будете теперь платить два счетчика. Короче, с вас обоих – еще один «зеленый лимончик». По пятьсот «зеленых» косых – с рыла. Ясно, киска?

– У нас таких денег нет, – спокойно сказала Таня.

¹¹ Я могу вам чем-то помочь, господа? (англ.)

– Ах, у вас таких денег не-ет, – издевательски передразнил бритый. – Как же вы живете – без «зеленого»-то «лимона»? Да еще в Америке?.. Думаешь, мы, сладенькая моя, с тобой будем торговаться? Войдем в положение, скостим чуток?.. Не, такие самолеты не летают. Или миллион, или...

Бритый сделал зловещую паузу.

– Или отработаете должок. Не бойся – работка непыльная, спокойная...

– А именно?

– Не на панели, ха-ха-ха, не на панели. На панели тебе сроду «лимон» не собрать. Да и штуки тебе не собрать. С такими-то сиськами...

Бритый презрительно заржал.

– Так что не шахной своей будешь работать... А чем – это мы тебе сообщим дополнительно. В свое, как говорится, время... А вы пока со своим дружком посидите, покумекайте: может, все-таки «лимончик» наберете. А? В банке-то, на счету? Или, может, займете у кого. Или сами, хе-хе-хе, банк грабанете...

Пол-Петруха прошелся по номеру, глянул в окно. Ничего, кроме темноты, за окном не было.

– Вот тебе мой телефончик, – бритый достал из кармана пиджака визитку и небрежно перекинул в кресло Тане. Визитка упала на ее колени.

– Сейчас у нас полпятого утра, – глянул на золотой «Ролекс» бритый. – Ну, двенадцати часов вам на размышление хватит. До сегодняшнего, то есть, вечера можешь звонить... Или «лимончик», или работенка... А если нет...

Бритый сделал небрежный жест: провел большим пальцем по горлу.

Таня несколько не сомневалась: *этот* исполнить свою угрозу может.

– Так что, Танечка Садовникова, вот тебе плата за науку. Зря вы нас решили дурить. Как в этой, в Библии, пишут: не обмани – да не обманут будешь... Пока, моя крошка. Даст бог, еще свидимся.

Бритый сделал ручкой и шагнул к порогу. За ним потянулся его молчаливый компаньон.

Когда дверь за бандитами закрылась, Таня встала с кресла и несколько раз прошла по комнате.

Как ни странно, сейчас, по горячим следам, более всего в разговоре с бритым незнакомцем на нее подействовала не его угроза. И не перспектива добывать неизвестно где миллион долларов – или выполнять для бандюков неведомую и, вероятно, криминальную работу. Более всего ее неприятно поразила весть о том, что их с Игорем замечательный план бездарно провалился. А еще больше этой печальной новости расстроило ее то, что бритый походя столь пренебрежительно отозвался о ее груди. «Какое свинство! Как он мог! – в ярости думала она. – А, может, правда?.. Да ведь никто не жаловался!»

* * *

– Игорек, у меня красивая грудь? – первое, что спросила она, когда зазвонил сотовый телефон.

– Супер! – не думая выпалил Игорь, и это весьма ее утешило.

– А как ты узнала, что это я? – ошеломленно переспросил он.

– А кто еще мне может звонить в пять утра?.. К тебе приходили?

– Да.

– Ко мне тоже.

– Что будем делать?

– Для начала встретимся.

– Райт. Когда и где?

- В том же кафетерии. Через полтора часа.
- Заметано.

Через час Татьяна собрала вещи и выписалась из мотеля. Что бы ни случилось, сюда она больше никогда в жизни не вернется.

Без четверти семь утра (с тех пор, как она связалась с Игорем, ей приходится все время бодрствовать в чертову рань!) Татьяна подруливала на своей старушке-«Тойоте» к стоянке у кафетерия. Там уже красовался Игорев «Джагг».¹²

В кафетерии было пусто. Игорь сидел за столиком в углу, прихлебывал американскую бурду (выдаваемую штатовцами за кофе) и просматривал «Сиэтл стандартд ревью».

- Что пишут? – вместо приветствия спросила Таня.
- О нас – ничего.
- Слава богу.
- Испугалась? – Игорь положил газету.
- Таня пожала плечами.
- Прости, Таня, я опять втравил тебя в историю.
- Я сама не могу жить без историй.
- Кто у тебя был?
- Бритый из гостиницы и еще один... Урка.
- У меня – тоже двое. Один – блатной, другой – вроде бы интеллигент.
- Что тебе предлагали?
- Или миллион «зеленых», или – работать на них.
- Дали визитку?
- Да.

Игорь выложил на стол визитную карточку. Она была точно такой же, что и у Татьяны: ПЕТР АБРАМОВ и – номер сотового телефона. Ни места работы, ни должности. Естественно. Какая у бандитов должность...

- Что ты думаешь делать? – спросила Татьяна.

Игрек пожал плечами:

- Миллиона у меня нет.
- У меня, кстати, тоже.
- Значит...

– Значит, есть один выход... – перебила его Татьяна. – Бежать. Америка большая. Есть Флорида, есть Гавайи, есть Нью-Йорк... Не думаю, чтобы *russian mafia* была бы здесь всесильной...

К их столику подгребла печальная грузная официантка. Молча стала наливать Тане кофе. «Спасибо, нет!» – закричала Татьяна. Здешнюю бурду она пить не могла.

- Есть еще вариант... – начал Игорь, когда официантка равнодушно отошла.
- Пойти в полицию?
- Да.

– Ох, Игорец, не доверяю я ментам. Что нашим, что здешним. Что ж они твоего *работодателя* в аэропорту не взяли?

- Наверно, у него ничего с собой не было...

– Да и как ты полиции все это объяснишь?.. А даже если объяснишь – думаешь, они нам, как важным свидетелям, будут пластические операции делать?.. Нет, не по мне это... Я люблю отвечать за себя – сама.

- Значит – в бега?
- А что остается?

¹² «Ягуар» – сокр.

– Куда?

– Я, наверно, в Нью-Йорк, – секунду подумав, отвечала Татьяна. – Может, возьмут куда-нибудь на Мэдисон-авеню¹³. Я ведь все-таки в рекламном агентстве служила... К тому же Том часто в Нью-Йорк наезжает... Будем с ним видаться... Ну, а ты?

– Пожалуй, махну во Флориду. Я люблю тепло...

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи?

Игорь усмехнулся и не ответил. Таня внимательно посмотрела на него. Игорь выглядел печальным и усталым. Его узкое породистое лицо осунулось. На виске стали заметны седые волоски. Таня ласково погладила Игоря по щеке.

Тут в кармане у Игоря зазвонил сотовый телефон. Он взял трубку и отрывисто бросил: «Слушаю!»

В трубке разразились длинным монологом. По мере того как Игорь слушал, его лицо бледнело. Таня не отрываясь смотрела на него. Дважды Игорь переспрашивал. Сперва: «Как она?» А затем: «Что говорят врачи?» Потом сказал: «Я подъеду» и оборвал связь. Лицо его стало измученным и страдающим.

– Что? – отрывисто спросила Таня.

Игорь вздохнул, закрыл лицо руками. Глухо проговорил:

– Сегодня утром... Моя мачеха занималась джоггингом¹⁴... Ее остановили двое... С ножами...

– Нет! – вскрикнула Таня.

– Она жива... Врачи говорят: вне опасности... Но лицо они ей располосовали... Четыре шрама... Моделью ей больше не быть... Отец у нее в госпитале...

– О господи! – сказала Таня. – Ты думаешь, это?... – она сделала паузу.

Ответить Игорь не успел.

В сумочке у Тани зазвонил ее мобильник.

Таня взяла трубку. Это был Том.

Таким она его никогда не слышала. Том был близок к истерике.

– Таня, они подожгли мой офис!..

– Что?!

– Таня, сегодня... Час назад... Я еще спал... Загорелся офис... Сразу, вдруг – ффуф!.. Я вскочил... Там была какая-то машина... Джип... Два человека... Я выскочил, взял винтовку, стрелял по ним... Не попал... Они умчались... А офис уже горел вовсю. Они подожгли его! Я бросился тушить. Бесполезно...

– Том, миленький, успокойся, – безнадежно пробормотала Таня. На глаза у нее наворачивались слезы.

– Таня, все погибло! – с отчаяньем проговорил в трубке Том. – Все мои черновики, мой компьютер со всеми файлами... Все дискеты... Весь архив... Все блокноты, все книги...

– Том, миленький... – пробормотала Таня.

Ее горло сжал спазм. Она не могла говорить. Ей хотелось заплакать. Что для Тома могло быть страшнее, чем потеря всех черновиков? Да он скорее согласился бы отдать свою руку!.. Неужели это она всему виной?

– Томчик, родной мой... Мы что-нибудь придумаем... – пробормотала она.

– Что, Таня, что? – с полным отчаяньем проговорил Том.

Игорь внимательно наблюдал за тем, как менялось Танино лицо.

Когда она положила трубку, в глазах у нее блеснули слезы.

– То же самое? – спокойно спросил он.

¹³ На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены офисы крупнейших американских рекламных агентств.

¹⁴ Джоггинг – от английского «jogging»: пробежка.

– Да. Они подожгли офис Тома.

– Мы их недооценили.

– Да.

Таня взяла со стола визитную карточку.

Игорь устало-утвердительно прикрыл глаза.

Татьяна глубоко вздохнула и набрала телефонный номер.

– Да? – после третьего гудка раздался в трубке вальяжный, сытый голос.

– Мы согласны с вами сотрудничать, – проговорила Таня.

Глава 3

Пристойное предложение

Москва

Таня прилетела в Москву рейсом из Чикаго в начале второго по московскому времени.

Ее никто не встречал: ни мама, ни отчим, ни Димка Полуянов, ни Паша Синичкин. Танин приезд был для всех тайной. И от того, что она возвращалась издалека в любимый город, но ни единая душа не знала об этом и никто не ждал ее в аэропорту, на душе у нее было грустно. Словно не в родной город она возвращалась, а прилетала на чужбину.

Формальности с пограничным контролем и получением багажа, как всегда в Шереметьево-2, тянулись бесконечно долго. Из «свободной зоны» она вышла, когда время подходило уже к трем часам дня. Как обычно, на единственную калитку напирала толпа встречающих. Родственники тут же набрасывались на прилетевших, тискали в объятиях. Обалдело оглядывались по сторонам иностранцы – тех сразу же атаковали таксисты. Многие встречающие стояли с афишками – навроде *Mr. Smith* или *HewlettPackard*. Таню, как это уже бывало по прилету на родину, неприятно поразил запах не очень свежих тел. И это несмотря на восьмилетнее свободное хождение в стране дезодорантов! «В самом деле немытая Россия», – горько подумала Таня. В этот раз возвращение на родину не доставляло ей ни малейшей радости.

Она тихонько отошла к колонне, отрицательно мотая головой на предложения «поехать недорого». Ее должны были встречать.

И ее встретили.

Молодой человек – Таниного, наверно, возраста – со всей почтительностью подошел к ней и проговорил, склонившись в полупоклоне: «Мадемуазель Садовникова?»

– Называйте меня «мадам», – усмехнулась Таня.

Парень был, как сказала бы Танина мама, «из интеллигентной семьи» – однако некая вертлявость имелась в его остреньком лице и во всем его облике. «Сукин сын», – про себя определила Татьяна.

– Пожалуйста в машину, – сказал парень с лакейской предупредительностью и схватил Танин кожаный несессер.

Ловко лавируя в толпе, «сукин сын» проследовал к выходу. Таня поспешала за ним.

Они вышли из здания аэропорта. Запах осени – подмосковной печальной осени – так знакомо защекотал ноздри. Яркое, но совсем не горячее солнце из последних сил светило с голубого неба.

Провожатый и Таня вышли на автостоянку и добрались до черного джипа «Тойота-Лэнд-крузер» с тонированными стеклами. Таня про себя усмехнулась. Она не сомневалась, что ее новые компаньоны подадут за ней в аэропорт подобное транспортное средство. В Америке она обратила внимание, насколько наши бандитствующие «новые русские» похожи всеми внешними атрибутами на тамошних негритосов. Для передвижения использовались те же черные джипари – гробы на колесиках, для украшения – те же красные и малиновые пиджаки и обилие золота на теле. Но на черных телах золото смотрелось эффектнее, чем на нашенских жирно-белых окорочках.

Провожатый предупредительно распахнул перед ней дверцу. Таня постаралась на всякий случай запомнить номер джипаря: *H 007 AE 77*. Ну, такой блатной номер захочешь, а не забудешь.

Татьяна влезла в кожаное тепло салона. Внутри находились еще двое: один за рулем, другой – рядом. Оба типичные бандитские рожи, как на подбор: жирные, стриженные, с толстыми шеями и золотыми цепурами. Таня уселась в кресло, рядом плюхнулся провожатый. Джип принялся величаво выруливать со стоянки.

Проплыв, словно корабль, мимо «Новотеля», джип понесся по шоссе прочь от Шереметьева-2. За окном разворачивались желтые, зеленые, красные леса. Машина летела со скоростью сто сорок. На ограничения водителю явно было плевать. Внутри салона никто не говорил ни слова. Таня печально смотрела в окно, на знакомый до боли пейзаж. Столько раз она возвращалась в Москву, мчалась по этому шоссе из аэропорта – но еще ни разу так, в джипе с бандитскими номерами.

На выезде на Ленинградское шоссе «Лэндкрузер» вдруг свернул не налево, к столице, а направо, прочь от нее.

– Куда мы едем? – спросила Таня.

Ее будто никто и не услышал.

– Мы что, в Питер собрались? – повторила Таня вопрос – но опять как об стенку горох.

Таня понятия не имела, ни куда ее везут, ни что предстоит ей делать, ни где ее компаньон Игорь.

...Вечером того дня, когда она позвонила бритому бандиту и согласилась сотрудничать, ей – одной – назначили *стрелку* в лобби сиэтлского отеля «Сорренто».

На встречу пришел тот же самый бритый Петя, что заявлялся ночью в ее мотель и столь непочтительно отзывался об их с Игреком сыщицких способностях, а также о ее груди.

На этот раз стиль его поведения переменялся. Он уже не угрожал, не *наезжал*. Напротив, был сама предупредительность. Он со всей вежливостью сказал Тане, что *задание* ждет ее в Москве. Затем протянул конверт. В конверте было два авиабилета: один на завтра на самолет авиакомпании «Дельта», следующий из Сиэтла в Чикаго. Другой – на послезавтра, на рейс Аэрофлота СУ329, вылетающий из Чикаго в Белокаменную. «Из Сиэтла в Москву рейсы всего два раза в неделю, – пояснил бритый. – Мы уже не успеваем». Оба билета были эконом-класса.

– Экономите? – усмехнулась Таня.

– Денежки счет любят, – осклабился бритый.

Бритый Петя-Пол попросил, однако просьба эта прозвучала как приказ: никому в Москве не сообщать, что она возвращается.

– Тем более, – добавил он, – будешь ты в столице совсем недолго.

– А где я буду? – невинно спросила Таня.

– Увидишь, – ухмыльнулся Бритый.

Затем он попросил у Тани ее мобильный телефон, заверив, что его вернут.

– Когда? – спросила Таня.

– Как только, так сразу.

Тане очень не нравилась эта игра втемную. Она привыкла сама распоряжаться своей жизнью. Что бы ни происходило – держать ситуацию под контролем. Теперь же возникало тошнотворное ощущение – словно она сидит на пассажирском месте в автомобиле, который на всех парах несется в пропасть. И она ничего не может сделать: ни отвернуть руль, ни нажать на тормоза...

Бритый на прощанье улыбнулся, показав золотые зубы, и вроде как ласково потрепал Татьяну по руке. От этого прикосновения хотелось отмыться.

Сразу же, как только он ушел, Татьяна спросила у официанта, где телефон (без мобильного жизнь оказалась ужасно неудобной). Прошла в кабинку и набрала номер Игоря. Безуспешно. Его телефоны – ни домашний, ни мобильный – не отвечали.

На следующий день Таня прилетела в Чикаго. Остановилась в отеле «Бест Вестерн» – неподалеку от аэропорта. Не распаковывая – а зачем, если завтра все равно улетать? – вещи,

бросила их в номере. И отправилась в город. Восемьдесят долларов за такси ей показалось дорого – с таким долгом, как у нее, особо не пошикуешь! Поэтому она добиралась до центра на электричке. В загаженном вагоне сидели сплошь негры и латиносы, которые бросали в ее сторону нехорошие плотоядные взгляды. Она старалась выглядеть максимально неприступно. По ее лицу читалось: «Только подойди – в херрасменте¹⁵ обвиню!»

Ей удалось добраться до Чикаго без приключений. Однако обратно уж точно придется возвращаться на такси – вечером в электричке наверняка еще опасней!

Таня немного погуляла по городу. Чикаго ей не понравился: слишком грязно, слишком сумасшедшее движение, слишком много негров. Даже белые яхты на синей глади озера Мичиган не вдохновляли. (А, может, это настроение было такое?)

В молле¹⁶ Таня купила маленькие подарки для всех тех, кого она надеялась увидеть в Москве. Маме приобрела духи «Шанель» номер девятнадцать». Отчиму – кожаное портмоне (не забыла положить туда, чтоб денежки водились, «квотер», монетку в двадцать пять центов). Другу-журналисту Димке Полуянову выбрала «Паркер». Для частного детектива Паши Синичкина купила швейцарский офицерский нож с тридцатью восемью полезными предметами, включая штопор, ножницы и зубочистки. Подружку Риту, светскую хроникершу, решила порадовать шарфиком от «Гермеса». Приобрела также для себя демисезонное пальто от «Максмары» и довольно-таки обыкновенную кожаную куртку. В Москве уже холодно. И только один бог знает, чем ей придется в столице в этот раз заниматься. Может, какой-нибудь подкоп под Бутырку рыть...

Из телефона-автомата (так дешевле) позвонила в монтановскую глушь Тому.

Она и хотела этого разговора, и страшилась его.

Таниным сообщением о том, что она собралась в Россию, Том был уязвлен до глубины души. Еще бы! Сначала она убегает с ранчо куда-то в ночь, а теперь, видите ли, срочно летит в свою дурацкую Москву «по неотложному делу».

– Что за дело, Таня? – жалобно спросил Том.

– Я не могу тебе сказать, – пролепетала Таня в трубку, – но это, правда, очень, очень важно.

– Ну ладно, – довольно-таки сухо промолвил Том, – во всяком случае, я всегда буду думать о тебе. И помни: двери моего дома всегда для тебя открыты.

Татьяне вдруг показалось, что это, быть может, последний их разговор.

Но она ошиблась.

Стоя в чикагском аэропорту О'Хара перед своим выходом 23, где уже началась посадка на московский рейс, Таня вдруг увидела, как сквозь чистую, хорошо одетую и расслабленную толпу к ней идет Том. Усы его печально обвисли. Выглядел он потерянным. Таня впервые подумала, что он уже далеко не молод.

– Привет, Таня, – грустно улыбаясь, сказал Том по-русски.

– Хай! – постаралась быть лучезарной Татьяна.

Том принял игру в хорошие манеры и непринужденно сказал:

– Я прилетел специально – тебя проводить.

Что на это ответишь, кроме банальностей?

– Спасибо, Том... это очень мило.

Он резко взял ее за руку. От напускной светскости не осталось и следа. За это она его и любит... Он так не похож на стандартных благоглупостных американцев.

– Таня, хватит. Давай прекратим это... Отвечай честно: почему ты летишь в Москву?

¹⁵ От английского *herassment* – сексуальное домогательство. За последние годы в США выиграны сотни процессов по этому обвинению. «Херрасментом» может оказаться даже безобидное: «Девушка, можно с вами познакомиться?»

¹⁶ Большой универмаг.

Что она могла сказать?

– Том, у меня неприятности.

– Что-то с мамой? – он был искренне встревожен.

– Нет. Неприятности у моего друга.

– Твой друг – женщина или мужчина?

– Мужчина. Но он – честно! – просто мой хороший приятель... И ничего больше.

– И ради него ты бросаешь меня и отправляешься в Москву, – грустно подытожил Том.

Ну как ему объяснить?

Регистрация заканчивалась. Негритянка за стойкой бросала на Татьяну с Томом неодобрительные взгляды: ей хотелось побыстрее заняться подсчетом пассажиров.

– Мадам, прошу поторопиться...

Том устало вздохнул:

– Кажется, я все понимаю... Ты от меня уезжаешь...

У Тани на глазах выступили слезы:

– Томчик, милый! Если бы ты знал, как я хочу остаться!

В его глазах полыхнул огонь:

– Таня, скажи... ты меня правда любишь?

Она честно ответила:

– Я без тебя жить не могу.

Он решительно сказал:

– Тогда поехали. Ты никуда не летишь.

...Но Татьяна все-таки улетела.

Сейчас, продвигаясь вместе с бандитами в их черном джипе куда-то в глубь Московской области, она с наворачивающимися на глаза слезами подумала вдруг о том разговоре. И с необыкновенной ностальгией вспомнила об ароматном, чисто вымытом и благоухающем чикагском аэропорте О'Хара. И о ранчо Тома. Там было так покойно, удобно. Так уютно спалось под утро на плече у Тома – под шум дождя, под ватным одеялом... Куда ее опять понесло? Во что она снова ввязалась?

Вертлявый молодчик, сидевший рядом в кожаном кресле джипа, вдруг сказал:

– Виноват, *мадам*, я должен вас потревожить.

Таня вопросительно повернулась к нему.

Господинчик достал из кармана черную шелковую ленту.

– Не могли бы вы повернуться спиной?

Татьяна все поняла и обернулась к окну. Бандитик накинул ей на глаза сложенную в несколько раз ленту. Прихватил сзади, стал завязывать.

– Волосы больно! – прокричала Таня.

– Виноват, – с оттенком сладострастия проговорил молодец.

Из-под ленты не было видно ни зги. Сплошная чернота.

– Если ты, – зловеще прошептал бандюкелло ей прямо в ухо, свистя слюнками, – будешь повязочку скидывать, получишь перышко в бочок. Это не смертельно, но оч-чень больно. – В подтверждение в ребра Тане уперлось что-то острое. – Так что не кочевряжься.

Таня и не собиралась кочевряжиться. Раз она согласилась работать на бандитов – чего теперь, спрашивается, устраивать комедии из серии: «Я вся из себя такая невинная!»

Джип продолжал свистать по шоссе. От нечего делать (к тому же – вдруг пригодится?) Татьяна принялась запоминать дорогу – насколько это было возможно с повязкой на глазах. У нее всегда было обостренное чувство времени, и она обычно могла безо всякого хронометра определить, с точностью плюс-минус пять минут, который теперь час. (Только когда рядом был любимый человек, чувство времени сбивалось. Тогда часы то летели, как сумасшедшие,

то растягивались, словно расплавленные циферблаты на картине Дали.) Но теперь любимого рядом с ней не было – и трудно было даже представить, где он. Поэтому «внутренний хронометр» не откажет, она сумеет точно определить время поездки. Потом, если умножить это время на скорость, она узнает, сколько километров они проехали. Жаль только, что по звуку джипа не определишь, как быстро он несется – может, девяносто километров в час, а, может, все сто семьдесят. Это вам не наша «копейка» или «шестерка», которая на скорости восемьдесят километров ревет в одной тональности и раскачивается с одной амплитудой, а на ста двадцати – с иной.

Трижды джип тормозил и даже останавливался, а потом вновь набирал скорость – видать, то были городские светофоры. Наверно, в Клину. Потом автомобиль наконец свернул с шоссе куда-то направо. Дорога сразу стала хуже, скорость – меньше. Затем они еще раз повернули – теперь налево.

Всю дорогу от аэропорта пассажиры проделали в тишине. Молчало радио. Не играл «СД-чейнджер» (или что там у них в машине). Молчали и бандиты, только пару раз нецензурно ругался водила.

Татьяна считала все повороты, и, когда джип окончательно остановился, знала: автомобиль ехал по Ленинградскому шоссе пятьдесят минут. Затем по проселочным дорогам еще тридцать пять минут. На последнем участке дороги они сделали семь поворотов: Таня хорошо помнила, в какой последовательности. (Если, конечно, бандюки не запутывали ее специально – что вряд ли.) Татьяна попыталась представить себе карту. Где они, бишь, находятся? Судя по всему, где-то в районе Истры. Плюс-минус... Плюс-минус, пожалуй, сто километров.

Да, немного толку оказалось от ее наблюдательности! Разве что развлеклась дорогой.

Джипарь наконец остановился. По всему судя, они приехали.

– Развязывать? – спросила Татьяна, имея в виду повязку на глазах.

– Сидите тихо, – буркнул вертлявый «сукин сын».

Наконец, получив, видно, какой-то приглашающий сигнал, он скомандовал: «Выходим». Таня на ощупь стала продвигаться к выходу из джипа. У двери ее схватила за руку цепкая рука вертлявого, помогла спуститься с высокого порожка.

Тане по-прежнему ни черта не было видно. По воздуху – затхлому, будто бы консервированному, – и по ровной поверхности под ногами она определила, что находится в помещении – скорей всего в гараже.

Цепкая и влажная рука Вертлявого не отпускала ее руку.

– Пожалуйста сюда, – приговаривал он.

– А моя сумка? – капризно сказала Таня.

– О ней позаботятся.

Слова гулко разносились в помещении.

Вертлявый провел ее куда-то, затем они остановились. С шипением разъехались дверцы. Судя по всему, это был лифт. Они вошли. Дзынькнула кнопка. Мягко закрылись двери. Лифт тихо поехал вверх. Чуть слышно пощелкивал – верно, на этажах. «Первый этаж, второй...» – считала по себе Таня.

Наконец лифт щелкнул в третий раз и остановился. Ее повлекли длинным коридором. В коридоре приятно пахло, словно в пятизвездочной гостинице. Коридор пару раз поворачивал. «Ничего себе санаторий», – в очередной раз подивилась Татьяна.

– Стоять, – вдруг прошипел ее спутник. Они остановились. Вертлявый развернул ее и легонько подтолкнул в дверь. Она сделала пару шагов. Видать, они прибыли. Провожатый принялся развязывать повязку, закрывавшую ее глаза. Таня стала нетерпеливо помогать ему.

Наконец она освободилась от надоевшей ленты.

Татьяна стояла на пороге большой комнаты с высокими потолками. В комнате полутемно. Окон не было. У дальней стены пылал камин. У камина спиной к ней, лицом к огню, стоял стройный мужчина в вечернем костюме.

Вертялый за ее спиной кашлянул. Мужчина обернулся.

Это был Игорь.

* * *

Сопровождающий бесшумно покинул помещение. Щелкнула входная дверь.

Лицо Игоря казалось печальным и усталым. Одет он был в строгий недешевый вечерний костюм и ослепительно белую рубаху с распахнутым воротом.

– С приездом, – грустно улыбнулся он.

– Хай! – по возможности беспечно отвечала Татьяна. – Какая встреча!

– Да уж.

– Ты давно здесь?

– Утром прилетел – через Нью-Йорк и Петербург. Садись. – На правах хозяина он кивнул на кресла черной кожи у камина.

– Мерси. Выходит, они два раза гоняли в Шереметьево джип? Сперва за тобой, потом за мной?

– Меня встречали на «Мерседесе».

– О, какая честь! Может, и без повязки на глазах?

– С повязкой.

– Ты не знаешь, где мы? Что мы?

– Нет. Меня попросили переодеться и в семнадцать ноль-ноль ждать здесь.

Танины глаза привыкли к полумраку помещения, и она осмотрелась. Окон не было – или они были тщательно загорожены портьерами. Освещалась комната одним лишь камином. Дрова весело горели. Пол сплошь устилал пушистый дорогой ковер. Противоположную стену, всю, до самого высоченного потолка, занимали книжные полки. Таня мельком оглядела книги: там имелись сплошь новые издания. Будто бы кто-то заказывал все без исключения наименования из списка Книжной палаты. «Анатомия любви» соседствовала с «Основами маркетинга», Виктор Конецкий – с Хулио Кортасаром. Над входной дверью висели две перекрещенные сабли. Кстати, в самой двери не было дверной ручки.

– Где ты остановился? – спросила у Игоря Таня.

– Здесь же, на четвертом этаже. Там, кажется, гостевые комнаты.

– А мы сейчас – на третьем?

– На третьем.

– И там, у тебя в комнате, тоже нет окон?

– Нет. Глухая стена.

– Без окон, без дверей – полна горница людей...

– Вот именно. Людей здесь хватает. Меня встречали трое. А тебя?

– И меня – трое.

– И все это – шестерки.

– Да, на главарей они не похожи. И мы зачем-то им нужны, – задумчиво проговорила Таня. – Именно мы... Иначе к чему было устраивать всю эту подставу в Сиэтле... Немалых денег стоит...

– Ну, должен тебя, наверно, огорчить, – отвечал Игорь, – изначально им, похоже, понадобился один я...

– А потом я случайно подвернулась, – усмехнулась Татьяна, – но они и мной не побрезговали...

- Я думаю, мы скоро все узнаем.
- Или нам скажут какое-нибудь вранье.
- Но мы все равно все узнаем.
- Ты оптимист, Игорь.
- Твоя, Танечка, школа.

Тут дверь распахнулась. В комнату вошел человек. Судя по всем повадкам, он был здесь за главного. Или одним из главарей.

Кроме непоколебимой уверенности в себе, которую излучал этот мужчина (и дорогие часы, вдруг сверкнувшие на запястье), внешне ничего в нем не подтверждало его высокий статус. Одет был господин в довольно-таки ординарный костюм (в таких любили ходить в советские времена старшие научные сотрудники). Обыкновенный галстук – из той же, советской коллекции. Белая, но совсем не дорогая сорочка.

Лицо господина было отнюдь не бандитским и весьма выразительным. Крутой высокий лысеющий лоб. Аккуратнейшим образом подстриженная седеющая борода. И – внимательно-пронзительные, прямо в душу заглядывающие глаза.

Таня и Игорь невольно встали.

– Здравствуйте, – отчетливо артикулируя каждый звук, проговорил незнакомец.

Он протянул руку. Пожал Игорю, пожал Тане. Рука у него была теплой и словно бы вызывающей доверие.

– Прошу, – указал на кресла у камина незнакомец. Манеры у него были отменные.

Все трое уселись.

– Меня зовут Олег Олегович, – отчетливо проговорил хозяин. – Вы – Игорь Сергеевич, а вы – Татьяна Ивановна. Но, если не возражаете – я почти вдвое старше вас, – я буду называть вас Игорь и Таня...

Друзья не ответили.

– Вы нормально добрались, – утвердительно проговорил незнакомец, посверливая то одного, то второго своими пронзительными глазами. – Устали с дороги. Но более всего вас волнует неопределенность вашего положения... Поэтому, позвольте, мы сперва эту неопределенность разрешим, а уж затем предложим вам обед и отдых. Не желаете ли пока чего-нибудь выпить? Чай, кофе, минеральной воды? Может быть, чего-то покрепче?

– Мне кофе, – проговорила Таня.

– Пожалуйста, минералки, – заказал Игорь.

Олег Олегович поднял трубку телефона без диска и обронил пару тихих фраз.

Не прошло и двух минут, как дверь растворилась, и в комнату вкатили столик, на котором дымились две чашечки кофе и стоял запотелый стакан минеральной воды. Столик вкатила высокая и ослепительно красивая девушка. Игорь, взглянув на нее, поспешно отвел глаза, а затем еще несколько раз искоса глянул на ее лицо. Безупречно правильные черты, голубые сексапильные глаза – эта русская красавица куда более годилась на роль фотомодели, чем Игоревая мачеха.

Официантка глубоко, чуть не в пояс, поклонилась, оставила столик и вышла.

– Итак, – сказал Олег Олегович, отхлебнув кофе, – мне сообщили, что вы задолжали значительную сумму.

Сделал паузу. Друзья промолчали.

– А у меня как раз есть весьма выгодная работа, – продолжил, не дождавшись ответа, бородач. – Для вас обоих. Она высокооплачиваемая, посему благодаря ей вы смогли бы достаточно быстро разобраться со своим долгом. А потом – как знать? – может быть, вам понравится и вы продолжите свою службу – уже за наличные.

Таня сделала большой глоток кофе. Черные пронзительные глаза Олега Олеговича словно гипнотизировали ее.

– Начнем, если вы не возражаете, с вас, Игорь... Мы предполагаем использовать вас, так сказать, по специальности. Вы же игрок. А место, где мы сейчас с вами находимся, – некоторым образом казино.

Олег Олегович взял с журнального столика пульт управления. Нажал на кнопку. Деревянные панели на противоположной стене разъехались. Появился экран телевизора. На экране возникло изображение. Камера медленно обвела своим взглядом высокий и пустой зал. Люстры были зачехлены. Стояли три игорных стола: для рулетки, покера, «блэк джека».

– Это – эксклюзивное казино для особенных клиентов. Просто так, с улицы, к нам сюда не попадешь. Нужны солидные рекомендации. Мы принимаем всего несколько игроков одновременно. Да и не каждый сможет себе позволить у нас играть... Очень высокие начальные ставки, знаете ли... На первом этаже, как видите, – игорный зал. Здесь все, как в обычном казино. Рулетка, «блэк джек», покер... Но нашим клиентам порой хочется чего-то особенного. Например, сыграть в покер не с бездушным дилером, почти автоматом – а в компании хороших людей. Или расписать партию в преферанс. Или хотя бы даже в «дурака». Почему же отказывать нашим клиентам в этом удовольствии!

Камера переключилась и показывала теперь, одно за другим, небольшие помещения. В каждом стоял стол с зеленым сукном. Богатые подсвечники с негорящими свечами. Зачехленные люстры. Потухшие каминные. Нигде ни одного окна.

– Это помещения для приватной игры... И почему бы вам, Игорь, – продолжал Олег Олегович, – не составить компанию нашим эксклюзивным игрокам? Сыграть с ними в покер? Расписать пулю? А, может быть, когда-нибудь раскинуть карты в фараон? А?

Игорь не ответил.

– Игра у нас идет серьезная, – продолжил Олег Олегович, – даже очень серьезная. Потому и заработки у тех, кто здесь трудится, очень-очень высокие. Вы, *Игрек*, с вашими талантами отработаете свой долг за пару-тройку месяцев. Ну, максимум, за полгода... Мы предполагаем положить вам постоянную зарплату. Немаленькую, прямо скажем – десять тысяч американских долларов в месяц. Проживать вы будете здесь. Не придется тратиться ни на жилье, ни на бензин... К тому же бесплатное питание... Повара здесь чудесные... Ну и, конечно, вы будете получать процент от своего выигрыша. Десять процентов вас устроят?

– Раньше я получал сорок... – усмехнулся Игорь. – Но, как я понимаю, особого выбора у меня нет.

– Полагаю, нет, – Олег Олегович жестко посмотрел своим пробирающим до костей взглядом прямо в глаза Игорю.

– Тогда я согласен, – еще раз усмехнулся Игорь.

Камин угасал. Олег Олегович встал с кресла, разворошил уголья и подбросил в огонь еще пару сухих сосновых поленьев.

Таня допила кофе. Вкус был божественным – такой напиток умели готовить только в Париже.

– Теперь с вами, Танечка.

Олег Олегович повернулся к ней в кресле.

– Очень жаль, что ваша специальность не слишком соответствует нашему профилю. Но мы посоветовались и решили предложить вам нечто другое... Вы умны, красивы, эффектны... Я мог бы дать вам место дилера – или, на вашем языке, крупье... Или официантки... Оплата – пять тысяч долларов ежемесячно... У нас все люди хорошо получают... Плюс, естественно, чаевые... Плюс те же льготы – питание, жилье... Как вы к этому относитесь?

– Пять тысяч в месяц... – быстро сосчитала Таня. – Чаевые... Пускай, в самом лучшем случае, сто тысяч в год... Значит, я рассчитаюсь с этим вашим долгом через пять лет... Пять лет строгого режима...

– Ну, не все так плохо... И у вас... У вас, откровенно говоря, есть выбор...

– Какой же?

– Вы ведь когда-то работали в рекламном агентстве...

– Вы хотите заказать мне рекламу своего заведения?

– Нет. Я не думаю, что нам поможет широкая огласка. Однако вы могли бы применить свои таланты рекламиста и психолога – вы ведь психфак МГУ заканчивали, не так ли?

– Вы многое о нас знаете...

– Мы о вас знаем все, – полыхнул Тане прямо в душу своими пронзительными глазами Олег Олегович. – Так вот, вы, Татьяна, могли бы заняться поиском будущих клиентов для нашего заведения. Вы общительны, контактны, осмотрительны... Очень милы, наконец... Разумеется, нас интересуют люди небедные... С кем-то вы можете познакомиться сами. Кого-то можем вам порекомендовать мы. Ну, а ваша задача – познакомиться, очаровать... А потом, как-нибудь, между делом, пригласить человека приехать сюда. Если он станет нашим постоянным клиентом – а мы, в свою очередь, сделаем для этого все от нас зависящее, – мы будем вам весьма признательны...

– И только?

– Конечно, нет! С каждого клиента, которого вы, да простится мне это слово, завербуете, вы станете получать тоже по десять процентов. От проигранных им денег, разумеется...

– Значит, если кто-то оставит у вас пять миллионов, я буду свободна?

– Полагаю, так.

– Хорошенькая работенка, – усмехнулась Таня. – Рекламный агент на проценте...

– Ну, Татьяна Ивановна! Вы же понимаете, как строг у нас отбор, сколь высокие требования мы предъявляем к... м-м... такого рода работникам. Вы имеете право гордиться, что мы выбрали именно вас...

– А как я буду контролировать, насколько правильно вы начисляете мне эти самые проценты?

– Н-ну, Танечка! У нас все честно. Очень строгий учет. Иногда вы сами будете здесь рядом с игроками, которых вы привели... Сможете наблюдать, сколько они проигрывают... А если нет – у вас ведь здесь всегда будет свой человек. – Олег Олегович кивнул в сторону Игоря. – Ему-то вы доверяете.

– Тогда мне нужна с ним постоянная связь, – быстро проговорила Таня.

– Что вы имеете в виду?

– Верните мобильные телефоны. И мне, и ему.

Тане показалось, что Олег Олегович на секунду опешил.

– В сущности, у нас этого не полагается... – пробормотал он. – Но... Мне придется обсудить этот вопрос...

– К тому же такого рода обратная связь даст мне возможность более точно отыскивать клиентов, – поднажала Татьяна.

Она впервые за весь разговор с Олегом Олеговичем почувствовала себя хозяйкой положения.

– Хорошо. Мы постараемся решить эту проблему... А в остальном – вы согласны?

– Где я буду жить? – спросила Таня.

– Где хотите. Вы можете остановиться у себя дома. Или у своей мамы. Или у отчима. Это ваше дело.

– Когда я смогу уехать отсюда?

– Да хоть сейчас. Мы вас не задерживаем.

Мысль о том, что она вот-вот сможет вырваться из этого ужасного дома без окон, приехать в Москву, войти в свою квартиру, обнять маму, вдруг показалась Тане столь ослепительно прекрасной, что она, не раздумывая, сказала:

– Я согласна!

«А там, – подумала Таня, – будет видно».

– Вот и хорошо, – потер руки Олег Олегович.

Он откинулся в кожаном кресле.

– Что ж, коль скоро мы обо всем договорились, не пора ли нам пообедать?

Мысль о промедлении показалась Тане нестерпимой.

– А нельзя ли приказать отвезти меня? Или я могу уехать сама.

– Что вы, Танечка, вас проводят. Непременно проводят. Вы настаиваете ехать прямо сейчас?

– Да, если можно.

– Что ж, вольному воля.

Олег Олегович снял трубку местного телефона.

Через полминуты дверь открылась, но появилась не давешняя красавица официантка, как рассчитывал Игорь, но тот вертлявый молодой человек, что сопровождал Таню из Шереметьева.

– Организуйте отъезд госпожи Садовниковой, – не глядя на хлыща, распорядился Олег Олегович. – И будьте любезны, принесите меню для господина Старых.

Вертлявый молча поклонился и вышел.

– Вы желаете обедать здесь? – спросил Игоря Олег Олегович. – Или можете приказать подать в свою комнату.

– Если вы не возражаете, я хотел бы побыть один...

Игорь сидел мрачнее тучи.

– Не буду вам мешать.

Олег Олегович встал. Сперва протянул руку Игорю. Затем – Татьяне. Задержал ее руку, накрыл другой рукой, подержал ее кисти в своих теплых ладонях. Глянул на нее своими невыносимо магнетическими глазами.

– Очень приятно было с вами познакомиться.

Развернулся и вышел из комнаты.

Игорь и Таня остались одни.

– Ну, вот и все, – сказала Таня.

Она была довольна.

– А что – все?

Игорь явно не разделял ее оптимизма.

– Да что мы, – с жаром сказала Татьяна, – лохов, что ли, не найдем, чтобы нагреть их на пять «лимонов»? В два счета найдем! За пару месяцев рассчитаемся!

– А потом они на нас еще какие-нибудь штрафы наложат. Как тогда в Сिएтле.

– Ну, знаешь, если они с нами будут по-честному – так и мы будем по-честному. А если какая-нибудь новая хрень начнется – всегда сможем их сдать. Я ж в Москве буду. У меня отчим – знаешь, кто?.. Полковник ФСБ, между прочим... А знаешь, как все это называется? – Татьяна обвела рукой комнату. – Незаконное предпринимательство. И уклонение от налогов в особо крупных размерах. И похищение людей! Что мы на них, управу не найдем?

Тут, словно в ответ на Танины слова, вдруг сами собой опять разъехались деревянные панели на противоположной стене. За ними появился экран телевизора. Затем экран вспыхнул.

На экране появилось изображение, явно снятое бытовой видеокамерой. В углу стояли цифры 25.09.99 – стало быть, сняты кадры были вчера. На экране показалась панорама тихой заморской улочки, затем камера уставилась на белый двухэтажный особнячок типичного американского вида. Оттуда вышел седовласый породистый мужчина. Лицо его было озабоченным. Мужчина подошел к стоящему у особняка большому автомобилю. Бросил на заднее сиденье кейс. Сел за руль, отъехал. Камера проводила машину, уезжавшую в перспективу улицы.

Таня взглянула на Игоря. Он стиснул зубы. На скулах обозначились желваки.

– Это твой отец? – прошептала она.

Игорь молча кивнул.

Изображение на экране сменилось. Цифры в левом нижнем углу экрана свидетельствовали, что кадры были сняты сегодня в 12.15 дня. Дверь подъезда обыкновенного московского многоквартирного дома отворилась, и из нее вышла Танина мама. Маленькая, стройная, словно девочка, она решительной походкой двинулась в направлении метро. В руках у нее была хозяйственная сумка. Все – и мамины морщинки вокруг глаз, и ее курточка из плащовки, и потертая кожаная сумка – было так хорошо знакомо Татьяне, что она чуть не закричала. Мама быстро проследовала по пешеходной дорожке. Камера проводила ее.

Экран погас. Панели сами собой задвинулись.

– Вот так, – прошептал Игорь. – И ничего-то ты им не сделаешь.

– Я вижу, – так же тихо ответила Татьяна.

Ее замечательное настроение совершеннейшим образом испарилось.

Открылась дверь в комнату и, неслышно ступая, вошел Вертлявый. Он подошел к Игорю и протянул ему две толстые кожаные папки.

– Ваше меню. Обед вам подадут, как вы приказали, в вашу комнату.

Игорь взял одну из папок, а вторую вернул типчику:

– Карту вин мне больше не приносите. Я не пью.

Вертлявый молча поклонился. Его, как показалось Татьяне, коробила нечаянная роль официанта: видимо, он претендовал на более высокий пост в бандитской иерархии.

– А вас, *мадам*, – обратился он к Тане, – ждет машина. Прошу. – И он привычным жестом вытащил из кармана шелковую ленту.

– Сейчас.

Таня порывисто вскочила с кресла и бросилась к Игорю. Взярошила его волосы, поцеловала в одну щеку, в другую.

– До свиданья, Игоречек! Не грусти, мы что-нибудь придумаем!

Потом Таня повернулась к Вертлявому спиной, поправила прическу, закрыла глаза и царственно сказала:

– Я готова.

Глава 4

Шестерки и тузы

Хозяину доложили, что Татьяна отбыла.

Он молча кивнул и приблизился к столу. Достал из сейфа, вмонтированного в тумбу стола, досье. Включил лампу. Разложил папки.

Вот они, ключевые игроки. Тузы в его колоде.

Шесть папок, шесть имен, шесть фотографий.

А вот рядом – дублеры. Так сказать, короли. Их тоже шесть. Они войдут в игру, если что-то случится с тузами. Если кто-то из его тузов не сможет играть. Или откажется. Или погибнет.

Хозяин откинулся в кожаном кресле. Оглядел двенадцать папок на столе. Двенадцать главных действующих лиц. Никто из них не знал – не мог знать! – какая роль ему отводится. Никто даже не помышлял, что будет участвовать в некой *операции*. Ни один даже не ведал, что с какого-то момента его поступки будут направлены на достижение *результата*. Ни один не будет знать, *какого* результата он станет – в сотрудничестве с неизвестными ему партнерами – добиваться. Потом-то, когда операция окажется позади, большинство из них поймет, что к чему. Но будет уже поздно. Изменить что-либо не удастся. А рассказать обо всем... Пусть говорят... Им все равно никто не поверит. Никто и никогда.

У Хозяина также были досье на остальных участников операции. Они лежали в сейфе в строгом порядке, по старшинству.

Татьяна Садовникова, наверное, была бы уязвлена, когда б узнала, что ее папка лежит ближе к концу. Не там, где место всяким шестеркам – водителям, охранникам, официанткам, горничным, крупье, а примерно на уровне «восьмерок» или «девяток». Такое же достоинство, такую же силу – никак не выше валета – имел и Игорь.

Их предстояло использовать в этой игре втемную.

Как, впрочем, и всех, безо всякого исключения, прочих участников операции.

Хозяин улыбнулся. Он всю жизнь считал себя игроком. Но когда-то, по молодости лет, он полагал, что игра может идти только картами, только за зеленым сукном. Каким он был тогда наивным!

Что – карты! Всего-то и надо: угадать три-четыре расклада. Почувствовать прикуп. Учесть психологию двух или трех противников.

Как это скучно, вульгарно, одномерно!

Иное дело – игра по имени жизнь. Когда каждая карта – человек с его бесконечными мыслями, желаниями, стремлениями. Куда как интересней играть ими. Играть *нес людьми*, а – *самими людьми*. Вот в такой игре раскладов – бесчисленное множество, и все они могут поменяться в любую секунду. И шестерка или валет вдруг возьмут и начнут свою игру. И станут воображать, что это они – *играют*. И по-своему будут пытаться разложить карты. А на деле... На деле-то играешь ими – *ты*. И на каждый новый расклад тебе, именно тебе, надо найти единственно верный ответ. А эти ответы не прописаны ни в одной теории игр. И каждую минуту жизнь бросает тебе новый вызов. И чем он необычней – тем интересней.

И тем неожиданней и вернее надо найти ответ...

Хозяин отъехал от стола в своем кожаном кресле ценой в хороший автомобиль. Откинулся на подголовник. Задумался. Улыбнулся.

Игра предстояла долгой и увлекательной.

Таня

Москва.

На следующее утро

В первый момент, проснувшись, Таня не могла понять, где она находится. Потом сообразила: это же мамина квартира. Она – дома!

Все происшедшее вчера – джип, повязка на глазах, дом без окон, пронзительный Олег Олегович – показалось ей не то чтобы кошмарным, но длинным, тягостным сном.

На обратном пути из особняка в столицу она задремала. Черная повязка на глазах и мерный бег джипа убаюкали ее.

В Москве дело близилось к вечеру, а на ее биологических часах, еще шедших по-американски, было девять утра. Всю предыдущую ночь она не спала. Сперва ворочалась в неудобном аэрофлотовском кресле над Атлантикой, пытаясь смотреть фильм «Бедная Саша». Затем проходила паспортный контроль, ждала багаж, после ехала в бандитском джипе в неизвестность, пытаясь считать повороты...

Какое же облегчение – быть дома!

Мама вчера вечером открыла на звонок сразу, даже не спросив, кто там. Ахнула:

– Танечка? Что? Что случилось? Том?

Бросилась обнимать Таню, гладила ласковыми своими руками. Всплакнула.

Таня целовала ее и говорила:

– Мамулечка, все нормально... Все хорошо. Я просто соскучилась – вот и приехала...

– Как же ты – без звонка... У меня и есть нечего... – словно Таня из своей квартиры в Новогиреево к ней пожаловала, а не из Эйвона, штат Монтана.

Наконец успокоились. Мама очень быстро сварганила нежнейший омлет из пяти яиц, заварила крепчайшего чаю.

Таня рассказала более чем облегченную версию причин своего приезда. Просто, сказала она, в Монтане, в этой дыре, ей стало ужас как скучно. Томас Харвуд – очень хороший, и все у них там о'кей, да только он занят своим новым романом, целый день напролет сидит в домике-офисе. Порой и ночки прихватывает. А ей-то что делать на ранчо? Кругом – леса, медведи, шакалы... До ближайшего супермаркета – восемнадцать миль... И ужасно скучно – без тебя, мамулечка, без друзей, без отчима-толстяка Валерия Петровича... Захотелось повидаться... А у Томчика, великого путешественника, бешеные скидки на полеты. Вот он и предложил ей полететь – за какие-то копейки, почти бесплатно... Только лететь надо было срочно, чтобы скидки не пропали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.